

После Капитализма. Сергей Кургинян filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

После Капитализма. Сергей Кургинян

Введение.

Концептуальная и экзистенциальная рамка.

Любое движение объединяет людей с разными взглядами и убеждениями. Это естественно и в каком-то смысле необходимо. Но это не имеет никакого отношения к всеядности: должно быть нечто, объединяющее людей, решивших вместе делать общее дело.

И это нечто даже не какой-то общий принцип, а некая рамка, очерчивающая общую для всех участников политическую, нравственную и экзистенциальную территорию.

Какова эта рамка для движения «Суть времени»?

Она складывается всего лишь четырьмя принципами.

Принцип № 1. Все мы относимся к краху СССР как к личной трагедии.

Ответственные за этот крах силы лишили нас нашей Родины. Это особенно ясно теперь, когда всё те же силы стремятся добить до конца Россию, используя буквально те же приемы, которые позволили им организовать крах СССР.

Итак, потеря СССР для нас – это утрата. Боль этой утраты с годами не ослабевает. Даже наоборот. Ибо по прошествии времени лишь нарастает трагическое осознание того, как много мы тогда потеряли.

«Пепел Клааса стучит в мое сердце», – говорил великий фламандец Тиль Уленшпигель.

Пепел СССР стучит в наши сердца. Именно это нас объединяет.

Те, в чьи сердца не стучит этот пепел, не могут быть вместе с нами.

Разрушенный Советский Союз живет в наших сердцах. И поскольку он в них живет – СССР может быть восстановлен.

Способность хранить в сердце то, что исчезло в реальности, – главная предпосылка реванша. Да, именно реванша – мы говорим о нем и только о нем.

Реванш – это осознание горечи поражения и готовность к победе. Только это и ничего больше.

Мы переживаем крах СССР как поражение своего народа и свое личное поражение. Но мы не капитулировали. Мы готовы продолжить борьбу и победить.

Принцип № 2. Мы хотим знать, почему распался Советский Союз и кто виновен в этой трагедии. Мы понимаем, что ответ на этот вопрос крайне сложен. Что враг применил против нас сложное и коварное оружие. Что враг и теперь создает разного рода ложные цели и дымовые завесы. Мы не хотим простых ответов. Ибо понимаем, что простота тут – хуже воровства.

Мы не пощадим сил ума и души для того, чтобы добраться до истины. Мы готовы учиться, брать новые и новые барьеры сложности в поисках окончательного ответа.

Не готовые дать окончательный ответ сегодня, мы дадим его завтра. В русских сказках говорится о семи парах стоптанных железных сапог. Если будет надо, мы стопчем семьдесят семь пар таких железных сапог. Ибо мы хотим окончательного ответа на свой вопрос. И мы этот ответ получим.

Принцип № 3. Мы хотим понять не только то, кто виновен в распаде СССР и в чем подлинный замысел сил, сумевших обеспечить его распад.

Мы хотим понять еще и то, как можно вернуть утраченное. Только ради этого мы и прорываемся к истине. Возвращение утраченного – еще на порядок сложнее, чем получение ответа на вопрос о том, кто, как и почему отнял у нас любимое.

Мы не боимся и этой сложности. Мы хотим обрести настоящий, полноценный ответ на вопрос о том, как вернуть утраченное. И мы этот ответ обретем.

Принцип № 4. Без любви разум бессилён. Без разума любовь слепа.

Но и разума, и любви недостаточно. Мы хотим понимания природы своего поражения, понимания путей к победе – не просто для того, чтобы потешить свой ум и успокоить сердечную боль. Мы хотим не только понять, как вернуть утраченное. Мы хотим это утраченное вернуть.

Сердце и разум, даже объединившись, бессильны, если нет воли. У нас эта воля есть. Мы хотим бороться за то, чтобы вернуть утраченное. Мы не хотим экстаза, мы не будем биться в конвульсиях. Мы сможем остудить чувство, не потеряв при этом его. Наш разум может и будет брать один барьер сложности за другим.

Но все это для нас – не упражнения души и разума. Нам нужно любить и знать для того, чтобы действовать.

Вслед за Марксом мы говорим: ученые слишком долго объясняли мир, тогда как дело в том, чтобы его изменить.

Вот и все, что нас объединяет. Только эти четыре принципа – и ничего другого. Они задают концептуальную, моральную, экзистенциальную, политическую рамку. Внутри нее – мы чувствуем и мыслим по-разному. Мы лишь отправляемся в общий путь. Мы верим, что странствие в поисках утраченного сблизит нас. И при этом мы всегда будем оставаться разными. Это, повторяем, нормально и даже необходимо. По-разному мы переживаем утрату и понимаем природу этой утраты.

Но мы хотим вернуть утраченное. И мы его вернем.

Те же, кто не разделяет объединяющие нас четыре принципа, – пусть отойдут в сторону. Нам одинаково чужды и сектантская нетерпимость, и безволие всеядности.

Оговорив все то, что нас объединяет, мы переходим к тому, что, по нашему мнению, делает возможным реализацию нашей основной и единственной стратегической цели.

ЧАСТЬ 1. О СОДЕРЖАНИИ СОВРЕМЕННОЙ ЭПОХИ

Глава 1. Двадцать лет спустя

Двадцать лет назад распался Советский Союз.

Двадцать лет назад было спущено развевавшееся над Кремлем Красное знамя.

Двадцать лет назад антикоммунизм и антисоветизм стали официальной идеологией новой постсоветской России.

Двадцать лет назад было заявлено, что распад СССР является не катастрофой, а освобождением России от чудовищных оков советизма. И возвращением в лоно мировой цивилизации. То есть в капитализм.

Во имя этого возвращения в капитализм отреклись от очень и очень многого. От созданного гигантскими усилиями и гигантскими жертвами великого государства. От советского образа жизни. И – от своего исторического пути.

Ведь проект под названием «капитализм» оказался, мягко говоря, очень трудно совместим с Россией как историко-культурной личностью.

Об этом достаточно убедительно говорил Ленин в своей ранней работе «Развитие капитализма в России». Но об этом же говорили противники Ленина из лагеря почвенников. И тоже достаточно убедительно.

Впрочем, дело не в том, кто именно и что говорил по данному поводу. Дело в исторической практике. Буржуазия Российской империи складывалась веками. И выдвинула из своих рядов выдающихся политиков и общественных деятелей. Но в

После Капитализма. Сергей Кургинян filosoff.org
решающий момент, после февральской революции, эта буржуазия проявила потрясающие безволие и бездарность. За полгода она проиграла все. Ее поведение коренным образом отличалось от поведения буржуазии французской, английской и даже немецкой или итальянской.

Отличия были столь разительны, что неизбежно встал вопрос о причинах такой несостоятельности класса, которому история предоставила все мыслимые и немыслимые возможности.

Крах российской буржуазии после февральской революции обернулся крахом страны, которую большевики с огромным трудом спасли от окончательной гибели. И ведь как спасли? Проводя радикально антибуржуазную политику. То есть, отказавшись от сращивания исторической России с буржуазностью. Обнаружив какой-то непреодолимый тканевый барьер между этой самой буржуазностью и Отечеством.

Большевикам было некогда. Они не имели возможности ломать перья, объясняя, почему либо капитализм, либо Россия. И классический марксистский аппарат не позволял им философски осмыслить подобное «либо-либо». Ведь, согласно этому аппарату, любая страна должна пройти период капиталистического развития.

Большевики как раз и заявили, что Россия этот период уже прошла – худо-бедно, но как-то. В каком смысле прошла? Почему прошла?

Большевики не давали по этому поводу вразумительного ответа и не могли его дать.

Этим занимались их противники из почвеннического лагеря. Но и они не указывали дороги вперед. Фактически они просто воспевали феодализм, противопоставляя его духовности буржуазную бездуховность.

Большевики указали дорогу вперед. И повели Россию этой дорогой – радикально антибуржуазной и антифеодальной одновременно.

Но в чем же тайна несовместимости капитализма и России как историко-культурной личности? Идет ли речь только о несовместимости любой многонациональной империи с буржуазностью, всегда оборачивающейся «парадом буржуазных национализмов»? Или речь о чем-то более глубоком?

Ответ на этот вопрос особо нужен сейчас.

Наши противники из радикального либерального лагеря уже дали свой ответ. Они сказали: «Да, русский дух, русская культурная матрица несовместимы с капитализмом. Мы, может быть, и не понимаем, почему. Но мы это признаем. Да мы и не хотим особо разбираться, почему. Потому что нам ясно, что либо капитализм, либо смерть. А значит, во имя жизни (то есть построения капитализма) мы будем разбираться с Россией, как повар с картошкой. Побуждать русский дух к мутации, менять ядро русской культуры, радикально трансформировать русскую культурную матрицу. А что еще можно сделать?» Так говорят либералы.

Но нам, хотя бы сейчас – в самый катастрофический для России период, период невероятной безысходности, – чтобы выйти из тупика, необходим внятный ответ на вопрос, ПОЧЕМУ Россия несовместима с капитализмом. В чем именно тайна этой несовместимости?

Признаем очевидное.

Двадцать лет назад Россия снова закрутила роман с капитализмом. На этот раз с еще более катастрофическими последствиями, нежели в феврале 1917 года. При этом катастрофа февраля, она же катастрофа несостоятельности тогдашней буржуазии как господствующего политического класса, длилась чуть более полугодом. Теперешний роман новой постсоветской России с новым капитализмом длится двадцать лет. За эти двадцать лет капитализм не создал ничего, а разрушил все.

Наши противники обвиняют в этом Россию, которая лишь имитирует согласие на брак с капитализмом. А на самом деле по-прежнему культивирует в себе сосредоточенную и упрямую антибуржуазность.

А раз так, говорят наши противники, то нужны любые, самые радикальные

После Капитализма. Сергей Кургинян filosoff.org
средства побуждения России к капитализму. Да-да, еще более радикальные, чем ранее. Десоветизация на манер денацификации, внешнее управление. Если надо, то и расчленение. Все это – для вящей славы капитализма.

Ведь если он не состоится, причем по-настоящему, без дураков, то последствия будут еще более ужасными, чем десоветизация, внешнее управление, расчленение и так далее.

Ведь только в капитализме спасение, только в нем выход, только он хоть что-то может как-то удержать на плаву.

Еще до того, как наша борьба с нашими противниками вступит в решающую фазу, нам нужно для самих себя получить четкий ответ на вопрос – так ли это. А может быть, наши противники правы? Может быть, действительно, только в капитализме спасение? Может быть, в этом случае и впрямь надо подавлять любыми средствами то отторжение, которое веками мешает обуржуазить Россию?

Для того чтобы получить честный и глубокий ответ на этот вопрос, нужна новая аналитика капитализма, которая существенным образом переосмыслит все, что связано с его прошлым, и даст возможность заглянуть в его будущее.

При этом нам нужна не антикапиталистическая пропаганда и агитация. Нам нужен теоретический аппарат, позволяющий ответить честно на вопрос о сути и перспективах капитализма. А значит и о том, в чем состоит вывод России из нынешнего ее кошмарного состояния? В том, чтобы любой ценой капитализировать страну, – или в чем-то другом?

Не будем предвосхищать ответ на этот вопрос.

Не будем работать под идею.

Исследуем капитализм с предельной научной честностью, опираясь на тот аппарат, который учтет все: и объективные достижения западного капитализма, и крах антикапиталистического СССР, и унижительный кошмар последнего капиталистического двадцатилетия.

Глава 2. Отречение и отреченцы

Двадцать лет назад под лозунгом возврата в мировую цивилизацию (то бишь, в капитализм), под лозунгом ускоренного обретения «нормальной жизни» (то бишь, капитализма) произошло фундаментальное отречение от собственного исторического пути во имя ускоренного построения «светлого капиталистического будущего».

Особый цинизм состоял в том, что это отречение было оформлено как возвращение к исконным национальным традициям, которые растоптали «гады-большевики».

Отреченцы дозировано использовали досоветскую символику и семантику. Расчлняя империю и растапывая все ценности, которые ее создали, отреченцы предъявляли народу антисоветский псевдоимперский суррогат. Они фактически не скрывали при этом, что речь идет именно о суррогате, который должен примирить с их новой политикой широкие слои российского общества.

При этом отреченцы не скрывали своего презрения к этим самым широким слоям. Воодушевленные тем, что «слои» уже поддержали их, выбрав Ельцина в июне 1991 года президентом РСФСР, отреченцы относились к поддержавшему их населению как к быдлу, «пиплу», который «схавает» любой суррогат.

Можно и нужно обсуждать причины, по которым вот уже двадцать лет в России длится страшный сон отреченчества. И нельзя не признать очевидное: этот сон не мог бы длиться так долго, если бы Россия не получила страшные повреждения.

Сон отреченчества беспрецедентно долог. Его последствия – кошмарны и унижительны. Это касается всего: образования и здравоохранения, промышленности и сельского хозяйства, обороны и безопасности, правопорядка и демографии.

После Капитализма. Сергей Кургинян filosoff.org

Все это не позволяет отмахнуться от вопроса о том, жива ли страна вообще. Оставим дежурных оптимистов наедине с теми, кто дежурно внимает их дежурным восклицаниям по поводу того, что Россия «встала с колен». И честно спросим себя: идет ли речь о невероятно долгом и кошмарном сне – или же о смерти страны?

Задавшись этим вопросом, не будем играть в поддавки. А будем тщательно измерять параметры, которые позволяют получить правдивый ответ на этот страшный вопрос. И признаем, что Россия, встав на капиталистический путь уродливым как никогда образом, получила страшную травму. Но, тем не менее, она жива. И понемногу выходит из своего двадцатилетнего сна, весьма похожего на коматозное состояние.

Не надо сладких иллюзий. Россия еще не проснулась полностью. Она по-прежнему колеблется между жизнью и смертью. Весьма велика возможность, что силы, которым нужна именно смерть России, добьются искомого. Но как бы велика ни была эта возможность, шанс на жизнь у России есть. И этот шанс необходимо использовать полностью. Непростительны здесь любое безволие, любая апатия, любые ссылки на бесконечную слабость друзей России и бесконечную силу ее врагов.

Но что должно быть предложено России, которую капиталистический соблазн уже довел до коматозного состояния? Тот же капитализм, но в неизмеримо большей дозе плюс подавление всего антикапиталистического? А если антикапиталистична вся традиция? Тогда ее надо подавлять всю целиком? Но что тогда останется от России?

Глава 3. На подступах к методу

Нам нужен метод, способный в полной мере раскрыть содержание современной эпохи. Ведь именно от ответа на вопрос об этом содержании зависит все остальное.

Дает ли эта эпоха шанс чему-либо, кроме капитализма? И если да, то чему?

Понятно, что если такого шанса нет, то крах России фактически неизбежен. А если что-то и сохранится в результате мутации духа, смены ядра, ломки культурной матрицы, то сохранившееся уже не будет Россией. Но если такой шанс есть, то может ли Россия им воспользоваться?

Уже на подступах к ответу, который носит буквально судьбоносный характер, надо договориться о методологии, позволяющей получить искомый ответ, не поддаваясь ни соблазну пропагандистского упрощенчества, ни соблазну бесконечных академических умствований.

Политическая методология имеет три базовых элемента – честность, ум и волю. Именно от честности, ума и воли тех, кто ищет выход из тупика, зависит, удастся ли из этого тупика действительно выйти.

Начнем с честности. Весь мир говорит о том, что Россия проиграла «холодную войну». И что державы-победительницы ведут себя теперь с Россией так, как и подобает себя вести победителям с побежденным. Неужели у нас до сих пор не хватает честности на то, чтобы признать: «Да, налицо именно факт унижительного, чудовищного разгрома»?

Чего мы боимся, прячась от очевидности? Того, что эта очевидность раздавит так называемые здоровые силы? Здоровые силы – это стойкие силы. Поэтому бояться тут нечего. Тот, кого подобное признание может раздавить, и так будет раздавлен при первых же серьезных испытаниях.

Итак, издержки минимальны, а приобретения огромны. Признание факта унижительного, чудовищного поражения мобилизует стойких, мужественных людей. Пережив этот факт по-настоящему, такие люди не сломаются, а, напротив, обретут особые силы. Воистину – тяжкий млат, дробя стекло, кует булат.

Признание своего поражения, переживание поражения как величайшей трагедии станет этим тяжким млатом. В огне особого переживания, которое с эпохи Древней Греции и поныне называют «катарсис», родится булат – новый

После Капитализма. Сергей Кургинян filosoff.org
человеческий материал, который один лишь может спасти Россию от почти что неминуемой смерти.

Обсудив то, что касается честности, перейдем к уму.

Проиграла ли Россия в 80-е годы XX века «холодную войну»? То, что она проиграла какую-то войну, безусловно. Но была ли эта война той канонической «холодной войной», о которой говорили классики антисоветизма?

Один из умнейших антисоветчиков, Збигнев Бжезинский, написал книгу «Победа без войны». Тем самым он подчеркнул, что состязание, проигранное Россией, носило более сложный характер, чем классическая война, пусть даже и холодная. Нам абсолютно необходимо понять, какое именно состязание мы проиграли. Тут недопустима никакая неточность. Потому что враг намерен повторить все те же приемы и добить Россию окончательно. Нам нужна поэтому полная – глубокая и беспощадная – аналитика явления, именуемого перестройкой. Тем более, что все уже понимают: России теперь, двадцать лет спустя, навязывается новая перестройка, «Перестройка-2». И именно эта перестройка, коль скоро ей не удастся дать отпор, станет окончательной русской смертью.

При всей важности таких понятий, как «интеллектуальная война», «диффузная война» и так далее, наиболее глубоким и адекватным сути дела понятием является Игра.

В конце 80-х годов Россию не победили – ее обыграли. Осознание этого обстоятельства немедленно приводит к обнаружению ключевого противоречия нашей эпохи – противоречия между Игрой и Историей. никогда в предшествующие тысячелетия подобное противоречие не достигало такого накала и такой беспощадности.

Конечно же, знаменитая статья «Конец истории», написанная двадцать лет назад американским политологом Френсисом Фукуямой, – бессодержательна, как все модные тексты. Но почему эта статья стала столь знаменитой? Почему она фактически превратилась в идеологию глобализма и даже чего-то большего?

Потому что проблема конца истории бесконечно более глубока и трагична, чем статья с одноименным названием, написанная по гарвардским банальным клише. Конец Истории – это начало всевластия Игры как манипулятивных комбинаций, создаваемых элитой в условиях отсутствия народной воли, отсутствия народа как такового. Ведь именно народ творит историю, и именно история создает народ как творца истории.

Те, кто разрушал двадцать лет назад Советский Союз, воевали не только с СССР как геополитическим противником и с коммунизмом как идеологическим противником. Они воевали с историей как таковой. Для борьбы с историей были опробованы совершенно новые технологии, созданные в лоне политического постмодернизма, ненавидящего и историю, и большие идеологические проекты, с помощью которых осуществляется историческое движение. Все это – и даже проект «Человек».

Война с СССР и коммунизмом была войной с историей и человеком. А значит, войной с гуманизмом и развитием.

СССР и коммунизм оказались ключевыми и одновременно слабыми звеньями в исторической цепи. Демонтаж СССР и коммунизма – всего лишь пролог к демонтажу истории и человечества.

Признаем же унижительность поражения.

Поймем могущество и коварность своего врага, масштабность его злых помыслов, окончательность его антигуманных проектов.

Признав унижительность поражения и поняв масштаб того зла, которому мы проиграли, осознаем и масштаб утраты. Ведь одним из решающих слагаемых в победе врага было созданное врагом состояние умов и сердец, в котором исчезло само понятие «утраченное».

Ибо утрачивалось советское. А советское было представлено как позорная, кровавая патология, лишенная какого-либо позитивного содержания вообще. Ну может ли такая патология переживать в качестве утраты? Да нет! Если

После Капитализма. Сергей Кургинян filosoff.org
прошлое – это ужас, то разрыв с прошлым – это счастье. «...Те, кто говорили, что прошлое – это не ужас, они нам лгали, лгали, лгали! Они скрывали правду от нас!.. А теперь наконец-то мы эту правду обрели! Мы прозрели! Мы отрекаемся от прошлого, каемся за него!» – вот что, по сути, звучало рефреном в головах многих наших соотечественников.

Такое отречение от прошлого дополнялось крайне специфическим образом счастливого будущего. С каждым новым витком катастрофы, порожденной отречением, становилось все яснее, что образ будущего носит беспрецедентно материалистический, по сути, глубоко антидуховный характер. Что в этом будущем вместо «рая на земле» должны появиться райки и раечки – джинсовые, колбасные и иные.

Итак, отречение от прошлого вообще, от свойственной прошлому идеалистичности – и подмена идеальности как таковой чечевичной похлебкой райков и раечков. Вот в чем был замысел врага. Вот за счет чего он хотел добиться окончательной цели. Враг преуспел в этом замысле. Но окончательной победы над Россией и историей как таковой он пока еще не добился. И потому злобствует. Потому рвется к новым десталинизациям, десоветизациям, новым перестройкам и перестроечкам.

Пережив поражение и поняв его масштаб, мы должны спросить себя, смиряемся ли мы с поражением.

Тем самым проблемы чувства и ума дополняются третьей проблемой – проблемой воли.

Сегодня эта проблема является ключевой. Перед теми, кто всерьез готов продолжить борьбу, стоят задачи неслыханной сложности. И им отведено совсем немного времени для того, чтобы эти задачи решить.

Если готовые бороться воспримут себя как данность, как то, что есть, и только, если они не будут преобразовывать самих себя, ставя на место унылой данности процесс собственного восхождения, собственного самопреобразования, – новая схватка будет неминуемо проиграна. Причем проиграна окончательно.

И тут к трем рассмотренным нами методологическим факторам – честности, уму и воле – добавляется основной и решающий суперфактор. Имя ему любовь.

Есть ли у тех, кто хочет бороться за Россию, эта любовь? Не любовь вообще, а любовь предельная и окончательная, творящая чудеса? Чему (или, точнее, кому) адресовано это чувство? Одеждам, в которые облачается историко-культурная личность? Или самой этой личности? И что есть эта личность? Как не расчленить ее, умертвляя научной понятийностью? И как не впасть в другую крайность – в нестойкий и бесплодный мистический экстаз?

Тайна не раскрывается в манифестах. Тайна требует таинства. Поэтому, оговорив всю важность преобразующей любви – любви предельной и окончательной, будем исходить из того, что эта любовь уже есть. И спросим себя: если она есть – что дальше?

Дальше речь идет именно о ее возвышающей преобразующей силе.

Честность говорит, что любимое гибнет.

Любовь требует, чтобы ты спас гибнущее.

Честность говорит, что ты – такой, как ты есть – ничего не можешь.

Любовь говорит, что ты должен.

Конфликт между «должен» и «не могу» все более накаляется и кажется все более безысходным. Наконец, ум подсказывает выход: «Это ты такой, как ты есть, не можешь спасти любимое. Но поскольку ты обязан это сделать, то ты просто должен стать другим. И этот «ты-другой» решит задачу, которую «ты-наличествующий» решить не можешь».

Реванш – это признание поражения и готовность победить в будущем. Не болтать о победе, а победить. Поскольку Россию обыграли в сложнейшей игре, поскольку ей вновь навязывают сложнейшую игру, то реванш заключается в том, чтобы выиграть. Но поскольку игра сложнейшая, то выиграть можно, только в

После Капитализма. Сергей Кургинян filosoff.org
полной мере поняв игровые правила, принципы ведения игры и многое другое.

Понять все это надо не только умственно, но и тотально. То есть так, как понимают люди, которым самим предстоит вести игру и побеждать.

Игра не просто сложна и коварна. Она отвратительна. Все твоё существо отторгает подобное тотальное понимание. Тем более что степень сложности требует тут высочайшего и явно у тебя отсутствующего профессионализма. А большинство из тех, у кого профессионализм есть, уже предали и перебежали на сторону противника.

Но поскольку спасти любимое можно, только выиграв эту игру, ты постигаешь все, что тебе нужно для этого выигрыша. Ты становишься специалистом так, как становится медиком мать, желающая спасти своего ребенка. При этом ты реально становишься другим. Честность, ум, воля и любовь преобразуют тебя. И в этом преобразованном состоянии ты уже можешь решить поставленную задачу.

Это не магия и не мистика. Наиболее очевидная для всех форма самоизменения – это образование. Как образование вообще, так и самообразование. Задача политического образования и самообразования приобретает в нынешней ситуации крайне актуальный характер.

Для спасения страны нужны тысячи и даже десятки тысяч по-новому политически образованных людей, связанных узами глубокого взаимопонимания – как нравственного, так и теоретического. Людей, прошедших одну большую политическую школу. В чем-то подобную знаменитому ленинскому Лонжюмо, но неизмеримо более глубокую, подробную и массовую.

Разговоры о спасении нужны лишь постольку, поскольку на их основе сформируются отряды спасателей. Маркс был прав: ученые слишком долго объясняли мир, тогда как дело в том, чтобы его изменить.

Но ведь констатируя это, Маркс не отказался от объяснений, не правда ли?

Глава 4. Мы и наши предшественники

Создавая «Коммунистический манифест», Маркс анализировал буржуазию своего времени.

Настало время для анализа совсем другой буржуазии. Буржуазии нашего времени.

Для анализа буржуазии своего времени Маркс использовал созданный им понятийный аппарат. Этот аппарат не потерял значения и поныне. Но считать этот аппарат универсальным, одинаково применимым во все времена и с одинаковой полнотой описывающим все стороны интересующего нас явления, безусловно, нельзя. «Капитал» Маркса, другие работы самого Маркса и его последователей фокусируют внимание на важнейшем факторе – факторе материального производства. Или, иначе говоря, законах той искусственной материальной среды, которую способен создать и развивать только человек. И которая, будучи отчасти подвластна человеку, одновременно властвует над ним.

Макс Вебер спорил с Марксом не как с коварным злодеем, а как с величайшим ученым, сумевшим блестяще проанализировать ключевой фактор – материальное производство. Признавая колоссальную важность самой этой искусственной материальной среды и действующих в этой среде закономерностей, Вебер убеждал сторонников Маркса рассмотреть в качестве другого независимого фактора – общество. То есть не материальную, а социальную среду – столь же искусственную, как и материальная среда, создаваемая человеком. И имеющую свои законы, как создаваемые человеком, так и властвующие над человеком.

Человек создает общество как систему регуляторов, утверждал Вебер. Эта система регуляторов носит исторически преходящий характер. История есть смена типа регуляторов. А значит, и типа общества. Искусственную материальную среду создает и контролирует не отдельный человек. Ее создает и контролирует организованное в сообщества (то есть общества) человечество.

После Капитализма. Сергей Кургинян filosoff.org
Но разве Маркс не говорил о социальности человека?

Безусловно, говорил. Причем с предельной определенностью.

Все дело в том, что Маркс не хотел признавать систему общественных регуляторов (в его терминологии – надстройку) отдельным фактором, хоть отчасти автономным от искусственной материальной среды (в его терминологии – базиса).

Для Маркса, как и для Эйнштейна или Фрейда, наличие ряда равнозначимых факторов было неприемлемо, если можно так сказать, эстетически. Этим трем великим ученым обязательно нужно было вывести все законы из одного источника. Неважно, какого именно: эйнштейновской кривизны пространства-времени, марксовской теории труда или фрейдовского Эроса. В конце жизни и Эйнштейн, и Фрейд отказались от принципа выведения мира из одного фактора. Эйнштейн признал темную материю, Фрейд – Танатос. Но Маркс не дожил до XX века с его далеко идущими и очень мрачными коррективами. Стал ли он сам что-то под конец пересматривать и что именно – это вопрос открытый.

Стремление Маркса вывести все из одного принципа, создав именно монистическую, а не какую-то другую теорию, предопределило крайне сложное отношение Маркса к современной ему имперской России. Решив заниматься Россией отдельно, Маркс тем самым уже встал на путь отказа от методологического и теоретического монизма. И никто не знает, как далеко продвинулся бы он на этом пути.

Но именно неокончателность движения Маркса по этому пути не позволяет полностью опереться на его теоретические положения ни в вопросе о содержании современной эпохи, ни тем более в вопросе о шансах России в XXI столетии.

Насущно необходим синтез Маркса и Вебера. Аналитика искусственной среды, создаваемой и развиваемой человеком, должна быть не отменена, а дополнена аналитикой социальной среды, определяемой системой регуляторов.

Только на такой основе возможна и аналитика современного капитализма, и прогностика, то есть определение перспектив этого капитализма. А значит, и ответ на вопрос о содержании современной эпохи. Маркс многое раскрыл и поразительно многое предугадал. Но ведь не все же он раскрыл и не все предугадал.

Марксизм сыграл сложнейшую роль в жизни советского общества. Он создал это общество. Он помог этому обществу решить очень многие задачи. Но он и затормозил это общество в своем развитии.

Советские идеологи боялись развития марксизма. Они всячески блокировали это развитие, считая, что устойчивость советского общества определяется каноничностью идеологии, в которой Марксу уготована роль мудреца на все времена. Но марксизм был предельно не пригоден для создания канона и каноничной идеологии.

Канонизация Маркса стала одной из черт советского общества. Другой чертой стал оголтелый антимарксизм – как почвенный, так и либеральный (попперовский). Третьей чертой – произвольные трактовки марксизма, подчиненные политической борьбе советских элитных кланов. Все это не позволяло нам дать адекватный ответ на новые вызовы.

В советскую эпоху синтез Маркса и Вебера не произошел по причинам сугубо политическим. Он был идеологически не нужен. И потому волевым образом отменен. Вопреки научной необходимости. Вопреки тому, что все предпосылки для этого синтеза уже были созданы.

В меньшей, а возможно, и большей степени были созданы и другие предпосылки. Ибо помимо искусственной среды (которую человек создает и развивает и которая влияет на самого человека), помимо социальной среды (которую человек, опять-таки, создает и развивает, и которая, опять-таки, влияет на самого человека), есть еще и сам человек. Как автономный фактор, ничуть не меньший по значению, чем техносфера и социум.

Человек, развивая материальную среду и социум, развивает и самого себя.

Человек, подчиненный законам материальной среды и социальным законам, подчинен еще и закономерностям культурно-антропологического характера.

Эти закономерности достаточно подробно рассмотрел один из величайших психоаналитиков и философов XX века Эрих Фромм. При этом Фромм восхищался Марксом, а не опровергал его. Он называл Маркса одним из величайших умов человечества. Он хотел дополнить марксизм автономным человекознанием. И он знал, как именно осуществить подобное дополнение.

Новый аппарат, включающий эти дополнения, а также многое другое (скрытую метафизическую полемику Маркса и Гегеля, теологическую аналитику исторического материализма Вальтера Беньямина, «Тектологию» Богданова и так далее), позволяет по-новому оценить содержание современной эпохи. В теоретическом плане предстоит еще сделать очень и очень многое. Но о содержании эпохи уже сейчас можно говорить с достаточной определенностью. И тут, конечно, решающее значение имеет синтез Маркса и Вебера.

Глава 5. Капитализм реальный и иллюзорный

Крах капиталистических иллюзий – вот в чем принципиальная новизна современной эпохи.

А ведь именно на этих иллюзиях строился проект ускоренного построения капитализма в России. А значит, и демонтаж СССР, советской системы, мировой коммунистической системы, мирового идеологического и политического баланса сил. Все это решено было демонтировать ради того, чтобы скорее запрыгнуть пусть даже в самый ублюдочный, но все же капитализм.

Когда-то Илья Эренбург написал роман «Трест ДЕ», имея в виду некий политический трест, провозгласивший лозунг «Даешь Европу!».

СССР, советский образ жизни, весь альтернативный капитализму мировой проект раскурочили создатели «Треста ДК» («Даешь капитализм!»).

Создатели этого Треста утверждали, что только в капитализме спасение. Они говорили: «Плевать на то, насколько капитализм совместим с Россией. Нечего с этой самой Россией цацкаться. Если капитализм с нею несовместим, тем хуже для нее. Ибо только в капитализме спасение».

Аргументы создателей «Треста ДК» оказались очень убедительны и соблазнительны для наивного советского общества. Но то, что общество приняло за горькую правду, к 2008 году окончательно обнаружило свою иллюзорность.

Капитализм как безальтернативный уклад, как окончательный итог человеческой истории – это иллюзия. Пропаганде этой иллюзии послужила достаточно элементарная на первый взгляд, но имеющая далеко идущий подтекст статья Френсиса Фукуямы «Конец истории».

Теперь мы видим, что нет никакого конца истории в том смысле, в каком его понимают Фукуяма, неогегельянцы, у которых Фукуяма учился, и авантюристы, превратившие опус Фукуямы в политический флаг так называемого глобализма.

Что нет ни этого конца истории, ни конфликта цивилизаций, провозглашенного Хантингтоном – консервативным собратом Фукуямы, который взялся концептуально окормлять Демпартию США.

Но что же есть?

Мы уже констатировали, что налицо крах капиталистических иллюзий. Тех самых иллюзий, которые породили самый горький и унижительный период нашей истории.

Период перестройки и постперестройки: «Долой «совок» во имя капитализма!»

Период самоизмены: «Упирались рогом, не хотели капитализма, доигрались, пора опомниться!»

После Капитализма. Сергей Кургинян filosoff.org
Период отказа от собственного исторического пути: «Зачем нам этот самый путь, если есть одна-единственная капиталистическая историческая магистраль?»

Период низменных и надрывных капиталистических упований: «Раз оплошали, не на ту карту поставили, то выбросим фантазии на свалку и хоть наедемся досыта да развлечемся по-настоящему».

То, что казалось реальностью, оказалось иллюзией.

То, что казалось иллюзиями, оказалось реальностью, отброшенной с катастрофическими результатами во имя рухнувших, рассыпавшихся иллюзий.

Зафиксировав это, зафиксируем и другое.

Что об этом крахе иллюзий предупреждалось еще в концептуально-аналитическом манифесте «Постперестройка». Ровно двадцать лет назад предупреждалось: «Не принимайте иллюзии за реальность!».

Ровно двадцать лет назад говорилось и об иллюзорности победы мирового капитализма, и о страшных последствиях затеи, планируемой в России «Трестом ДК».

Увы, вопреки этим предостережениям общество поддалось упоительному пению капиталистических сирен, поднанных для грязной пиар-работы этим самым «Трестом ДК».

Теперь хозяева Треста невероятно обогатились, а все остальные кусают локти. Но ведь иначе и не могло быть. Ибо оказался построен тот самый мафиозный псевдокапитализм, о котором говорилось в «Постперестройке». Ибо рухнули те самые глобальные капиталистические иллюзии, которые обсуждались в этой книге. И обрушение произошло именно по тому сценарию, который был в ней описан.

И если хотя бы сейчас не опомниться, то все будет развиваться именно по этому абсолютно губительному для России, да и для мира, сценарию. А значит, надо опомниться хотя бы сейчас.

Сейчас или никогда. Такова цена обсуждаемого вопроса.

Если и сейчас, в условиях колоссальной разочарованности историческими результатами последнего двадцатилетия, страна не найдет в себе силы для преодоления навязанной ей стратегии отречения от собственного исторического пути – крах неизбежен. И он не заставит себя долго ждать. Если Россия не сумеет опомниться сейчас – она исчезнет с карты мира до 2020 года.

Глава 6. Будущее «Треста ДК»

В противоположность тому, что здесь утверждается, «Трест ДК» упорствует, настаивая на том, что альтернативы капитализму нет. А значит, этот капитализм надо достраивать, наплевав на все издержки, сколь бы велики они ни были.

Верит ли сам «Трест ДК» в свою историческую правоту?

Прочитайте внимательно все его псевдоконцептуальные документы. Ознакомьтесь с идеями авторов «Стратегии-2020» (и дополнениями к «Стратегии-2020»), «Стратегии-2030» (и дополнениями к стратегии «Стратегии-2030»), стратегии демократической модернизации, стратегии интеллектуализации экономики (4И, 5И – кто больше?)...

У вас все это не вызывает чувства предельного разочарования и крайней неловкости?

Разумеется, вызывает. Но ведь речь идет не о большей или меньшей глубине мысли отдельных сочинителей. Речь идет о фиаско «Треста ДК».

Вот почему в заказанных им документах нет ни слова правды.

После Капитализма. Сергей Кургинян filosoff.org
Вот почему в них нет ни желания признать катастрофичность наличествующего, ни воли к преодолению тех тенденций, которые усугубляют катастрофичность уже не год от года, а день ото дня.

«Трест ДК» по-прежнему не верит в то, что некапиталистичность России – это не уродство, а нечто совсем другое. Вот почему его сирены в лучшем случае могут сменить интонацию своего пения. Но и не более того.

Неверие в историческую, глобальную значимость всего того, что сделало Россию непохожей на своего западного исторического оппонента (а также тех, кто оппоненту этому подражает), не позволяет выработать стратегию выхода из нынешнего губительного состояния. Ибо само это состояние как раз и порождено подобным неверием.

Нет веры – нет любви, нет надежды. Но тогда, конечно, нет и полноты ответственности. А без нее – откуда возьмутся силы для преодоления макросоциальных тенденций, не совместимых с жизнью страны?

Откуда возьмется элементарное желание всерьез говорить о серьезном?

Концептуальные документы Треста – несерьезны, и это фундаментальная их особенность. Связанная с тем, что никто из творцов этих документов ни на минуту не сомневается в том, что документы – сами по себе, а процессы – сами по себе. Не пряча даже на людях саркастические улыбки, творцы этих документов совсем уж не стесняются, когда ведут так называемые «интеллектуальные дискуссии». Тут все говорится напрямую. Мол, пульса нет. А на нет и суда нет. Раз пульса нет, то надо болтать и готовить «свал».

Итак, официоз не хочет и не может преодолеть губительные тенденции. Ибо они порождены тем, от чего официоз никогда не откажется и что ему гораздо дороже жизни страны. А коль скоро официоз не хочет и не может преодолеть губительные тенденции, крах неминуем.

Официозу на этот крах наплевать. Нам – нет.

Официоз не хочет обустроить Россию. Он хочет обустроиться в своих зарубежных поместьях и оттуда наблюдать крах России так, как зритель наблюдает увлекательное театральное представление.

Официоз сильно ошибается во всем, что касается собственного обустройства на Западе. Но тем хуже для него. Мы же обустроиваться на Западе не собираемся. Мы хотим победить вместе со страной или погибнуть вместе с нею. И мы верим в победу. Мы не ищем себе отдельной уютной гавани. Россия – тот корабль, с которого мы не побежим.

Да, этот корабль находится в плачевном состоянии. Да, впереди ужасные испытания. Ну и что?

Мы принимаем вызов. И потому обращаемся к обществу с этим манифестом, взыскующим исторической, глобальной ответственности.

Мы адресуем свой манифест тем, кто прозрел. Кто уже понял всю постыдность и губительность «импульсов», благодаря которым Россия сбилась со своего исторического пути. Кто хочет вернуть Россию к самой себе – к собственной правде и подлинности.

Остальные тоже прозреют – но слишком поздно. Вот почему так важно, чтобы прозревшие сейчас нашли в себе силы для стратегического ответа на страшные вызовы. Чтобы уже сейчас были полностью осмыслены гримасы последнего двадцатилетия. Чтобы были извлечены фундаментальные уроки. Чтобы произошедшее не повторилось более никогда. И чтобы в этом «никогда» было искупление позора последнего двадцатилетия.

На основе извлеченных уроков нужно незамедлительно выработать новый концептуальный и стратегический курс. Он же – новый исторический проект, спасительный и для России, и для всего человечества.

Но проекта мало. Нужен субъект, который способен этот проект осуществить.

Проект – сейчас или никогда.

После Капитализма. Сергей Кургинян filosoff.org
Субъект – сейчас или никогда.

Сейчас или никогда – главный лозунг нашей эпохи. Потому что потом уже будет поздно. Потому что потом уже не будет никакого «потом» для тех, кто любит Россию.

Тем, кто осознал все это или готов к подобному осознанию, – наш новый и последний манифест.

Мы обосновали уже, почему «последний».

Почему «новый», мы обоснуем сейчас.

Глава 7. Только ли крах иллюзий?

Продолжая обсуждать содержание современной эпохи, мы категорически отказываемся сводить ее к констатации краха капиталистических иллюзий. Нужна аналитика, позволяющая выявить генезис этого краха, его структурно-функциональные особенности, его последствия и возможные пути выхода из него.

Именно для этого нужна методология, основанная на синтезе Маркса и Вебера. Результаты ее применения к анализу современной ситуации таковы.

Буржуазия как класс сформировалась в недрах феодального общества.

Феодализм допускал и даже поощрял создание подобного класса.

Феодалам нужны были кредитуемые их торговцы. Но еще больше им нужны были зачатки будущего промышленного производства.

Рыцарь не мог обойтись без кующего ему доспехи оружейника. Королю для победы в войнах нужны были не только пики и мечи, но и мушкеты, пушки, корабли. А также многое другое.

Задолго до победы капитализма сформировался неизбежный исторический компромисс между феодалами и буржуа. Успехи науки и техники, порожденный этим рост промышленности – постепенно склоняли чашу весов в сторону буржуа.

Политическим оформлением этой тенденции стали великие буржуазные революции. Но они – при всей их беспощадности и радикальности – лишь дооформили то, что уже имело место. Буржуазия к этому моменту уже полностью состоялась. Буржуазные семьи восходили по лестнице успеха, исповедуя дух скромности, трудолюбия и законопослушания. Этому способствовало оформление в недрах христианства новой религии – протестантизма.

Нельзя никоим образом приукрашивать триумфальное шествие к власти класса капиталистов. Этот класс никогда не чурался грабежа. Многие буржуазные состояния формировались на основе торговли рабами, пиратства, чудовищного ограбления колоний. И все же тот фундамент, на котором было возведено величественное здание западного, а впоследствии и восточного капитализма, не был криминальным.

«Мы трудимся, а вы занимаетесь кутежами», – говорили буржуа феодалам.

«Мы живем скромно, а вы утопаете в роскоши», – говорили они, демонстрируя свои скромные коричневые сюртуки, свой экономный образ жизни, свою культуру, свои жилища.

Какие бы криминальные черты ни населяли тихий омут восходящей буржуазии, суть этой буржуазии была антикриминальной.

«Это феодал добывает деньги разбоем или дворцовым угодничеством, а мы трудимся, копим деньги, передаем свои скромные накопления детям, которые накапливают больше таким же честным трудом – и так из поколения в поколение», – вот что говорили буржуа всем другим слоям феодального общества. Сказанное не было ложью. Общество имело конкретные социальные доказательства того, что честный труд, цепкость, ум, расчетливость, способность к продуманному риску являются основополагающими чертами нового

После Капитализма. Сергей Кургинян filosoff.org
восходящего класса.

Сравним все это с проектом нашего «Треста «Даешь капитализм».

В советском обществе, в отличие от общества феодального, буржуазия не могла формироваться в виде нового законопослушного класса, имеющего свои нормы, свои ценности, свои принципы, свои идеалы и, наконец, свой Проект.

Сколько денег мог накопить за свою жизнь законопослушный советский высокооплачиваемый специалист? Мог ли такой, сколь угодно высокооплачиваемый, но законопослушный специалист накопить хотя бы миллион рублей? Даже если академик откладывал по тысяче рублей в месяц (а это почти фантастический вариант) и осуществлял свою деятельность, находясь в статусе академика, 30 лет (а это тоже почти фантастический вариант), он мог накопить 360 тысяч рублей.

Представители творческой интеллигенции – писатели, кинорежиссеры, киносценаристы, художники и так далее, – проявив все качества пушкинского скупого рыцаря, могли, наверное, накопить несколько больше. Но в истории СССР нет представителей этих профессий, проявлявших подобные качества и тяготевших к подобным накоплениям.

Внимательный анализ перечня всех высокооплачиваемых профессий показывает, что законопослушный слой советских граждан, обладавших высокой и сверхвысокой способностью накапливать средства, вряд ли превышал тысячу человек. А совокупный потенциал накопления, безусловно, не превышал 1 миллиард рублей.

Между тем, для осуществления проекта «Треста ДК» нужно было ускоренно скупить основные фонды, стоившие гораздо больше триллиона рублей.

Тем самым Трест должен был либо отказаться от своего проекта ускоренного построения капитализма в России, либо допустить скупку основных фондов далеко не законопослушными гражданами, принадлежащими к трем категориям.

Первая – так называемые цеховики. Это советские граждане, работавшие на грани или за гранью нарушения закона. Чаще всего за гранью. И все же это была самая законопослушная из тех групп, на которые «Трест ДК» мог опираться в своем проекте. Потому что представители этой группы хоть что-то производили. Пусть левым способом, пусть из незаконно добываемых товаров. Кроме того, представители этой группы, все время находясь в зоне крайнего риска, обязаны были в какой-то степени дистанцироваться и от местного коррумпированного аппарата, и от стопроцентного криминала, теснейшим образом связанного с отечественными спецслужбами. В противном случае цеховик погибал или сгнивал в тюрьме.

Расшаркиваясь и перед криминалом, и перед коррумпированными чиновниками, цеховик не мог себе позволить оказаться в предельной зависимости от данных категорий своих коллег. Много ли цеховиков преуспело за годы реализации проекта «Треста ДК»? В лучшем случае речь идет о десятках по-настоящему преуспевших представителей этой категории.

Вторая категория – ничего не производящие спекулянты. В советском обществе существовала жесткая социальная регуляция цен. Поэтому любой советский торговец, решивший продавать свои товары хотя бы на рынке, имел огромную прибыль, ничего не создавая. Если первую категорию можно назвать темно-серой, то вторая уже относится к черной.

Третья категория – совсем уж черная – это воровские общаки.

Выводя за скобки более сложно построенные начальные капиталы (спецслужбистские в том числе), мы приходим к выводу, что приватизация, осуществленная «Трестом ДК», была по определению криминальной. Но и выведенные нами за скобки более сложно построенные начальные капиталы тоже были криминальными.

Итак, буржуазия, которая медленно возрастала в недрах феодализма, – вне зависимости от того, идет ли речь о буржуазии западной или восточной, – была по существу некриминальной. А буржуазия, которую взращивал «Трест ДК», была криминальной. И не могла быть другой.

После Капитализма. Сергей Кургинян filosoff.org
Продажа предприятий за бесценок или даже раздача их даром, конечно, имела место. Но и этот тип приватизации ничего не менял по существу в «цвете» ускоренно создаваемого российского капитализма.

Уже одно это радикальнейшим образом отличало создаваемый в России капитализм от капитализма сколь-нибудь нормального. Хотя и этот, так сказать, нормальный капитализм тоже был по сути своей грабительским. И зачастую предпринимались самые радикальные усилия для того, чтобы сдержать крайние и абсолютно разрушительные проявления его грабительской сути.

Хозяева «Треста ДК» взращивали не нормальный, несовершенный, как все другие уклады, капитализм. Они взращивали криминального монстра. Взращивали псевдокласс-пожиратель. Они его взрастили. Класс стал пожирать всё и вся. И занимается этим все двадцать лет, причем по принципу «аппетит приходит во время еды».

Могли этого не понимать создатели «Треста ДК»? Безусловно, не могли. Но они создали именно то, что и хотели создать – смерть России. Пусть они не лгут, что хотели спасти Россию, приобщая ее к капитализму. Не этим они занимались, осуществляя свой, по сути, ликвидационный проект.

Сопоставив тип накоплений, сопоставим и остальное.

Ведь существует так называемый этап первоначального накопления капитала. В классических случаях медленного формирования капитала в недрах феодализма в первоначальном накоплении может преобладать «белое» слагаемое. Хотя всегда присутствуют и другие. Но если капитал формируется быстро, то доли «серого» и «черного» слагаемых естественным образом увеличиваются на первой фазе – фазе первоначального накопления. А потом возникает острейшая необходимость выйти из этой фазы. Оторвать накопившийся капитал от криминальной пуповины. Если этого не сделать быстро и беспощадно, государство, в котором господствующим является капитал, не вышедший из первоначального накопления, становится не криминализованным, а криминальным.

Криминальное государство не может быть устойчивым по определению. Оно не может сосуществовать с нормальными, пусть и криминализованными, но не криминальными государствами.

Грань между криминальным и криминализованным государством – это грань между жизнью и смертью. Криминальные государства уничтожаются беспощадно. Пример – уничтожение пресловутых пиратских королевств. Даже если этого не происходит, криминальные государства уничтожают сами себя. Но обычно их как разносчиков смертельного заболевания уничтожают те, кто с ними соприкасается.

Могли ли не понимать этих азов создатели «Треста ДК»? Нет, они не могли всего этого не понимать. Но они делали все, чтобы российский капитализм не вышел из стадии первоначального накопления. Они всячески поощряли все виды его криминализации. И они добились своей цели. Класс мутировал окончательно, пустив метастазы во все институциональные оболочки.

Налицо опять же не воля к построению капитализма, а воля к уничтожению России криминальным псевдокапитализмом. Через передачу этому криминальному псевдокапитализму всех функций господствующего субъекта. И – превращение государства в криминального монстра.

Предупреждал ли манифест «Постперестройка» о том, что так произойдет? Безусловно.

Произошло ли это? Конечно.

Произошло ли это случайно или по глупости? никоим образом.

Является ли ситуация обратимой? При том, повторяем, что исторической России присуще мощное отторжение любого, даже некриминального капитализма.

С прискорбием должны констатировать, что никаких реальных поползновений к тому, чтобы исправить ситуацию, у нынешней власти нет. На повестку дня даже не ставятся очевидные задачи, вытекающие из всего вышеизложенного. Например, задача выхода из смертельно затянувшейся фазы первоначального накопления капитала. Или задача декриминализации капитала. Место этих

После Капитализма. Сергей Кургинян filosoff.org
конкретных задач все в большей степени занимает подозрительное прекраснотушение. Неизжитая за двадцать лет наивность? Или маска, надетая субъектом, который понимает, что страну вот-вот дождут до конца, и не желает сопротивляться этому?

Отторжение исторической Россией любого капитализма...

Сознательное формирование в течение этого двадцатилетия капитализма криминального и несовместимого с жизнью России...

Что еще жизненно важно обсудить в связи с судьбой капитализма у нас и в мире, в связи с ответом на жгучий вопрос о содержании современной эпохи?

Глава 8. Буржуазия и общественные задачи

Наиважнейшей чертой нормального класса буржуазии была способность этого класса выступать в качестве общественного лидера. То есть локомотива истории. Нормальная буржуазия той созидательной эпохи и впрямь была историческим классом. Классом-лидером. Классом, осуществлявшим то, что необходимо было широчайшим слоям тогдашнего общества.

Провозгласив лозунг «свобода, равенство, братство», буржуазия, конечно же, создала общество, весьма далекое от этого великого идеала. Но она не была при этом исторически бесплодна.

Она сломала унижительные сословные перегородки.

Она дала крестьянам помещичью землю.

Она создала новый тип общности – буржуазную нацию.

Она сумела предложить новое понимание человеческого удела, новые ценности, новые идеалы.

Да, вскоре выяснилось, что у буржуазной медали есть обратная сторона. Что великие свершения покупаются ценой невероятных страданий эксплуатируемых масс вообще и рабочего класса в первую очередь. Что под сурдинку разговоров о ценностях на пьедестал потихоньку возводят Золотого тельца.

И все же для той восходящей, исторически состоятельной буржуазии ни гуманизм, ни прогресс не были пустыми словами.

У той восходящей, исторически состоятельной буржуазии была своя миссия, свой образ будущего, своя великая историческая мечта.

Это нашло отражение в искусстве и культуре.

То восходящее, исторически состоятельное буржуазное общество не было культурно бесплодным. Оно создало великую литературу, великую музыку, великую живопись. А значит, сумело придать новое качество гуманистическим устремлениям человечества.

Поэтому нельзя отрицать культурную, а значит и гуманистическую, миссию буржуазии. Да, созданная ею культура была беспощадна по отношению к своему создателю. Но это не аномалия, не патология, а норма исторической жизни. Отдадим же должное величии той буржуазии, которая начала формироваться на Западе в лоне феодализма с середины XV века. И к началу XIX века стала господствующим классом и классом-лидером.

Глава 9. Буржуазия как класс, создавший и осуществивший колоссальный исторический и социокультурный Проект

Свойственные России раздумья по поводу того, «что делать» и «кто виноват», необходимы, но недостаточны. Ибо нельзя ответить на вопрос «ЧТО делать», не поняв, КТО именно будет осуществлять данное ЧТО.

Отвечая на вопрос, ЧТО именно надо делать, мы занимаемся аналитикой

После Капитализма. Сергей Кургинян filosoff.org
ПРОЕКТА, призванного осуществить необходимые исторические преобразования.

Отвечая на вопрос, КТО именно должен осуществлять это ЧТО (то есть реализовывать исторический необходимый ПРОЕКТ), мы занимаемся аналитикой субъекта.

Нет проекта без субъекта. И нет субъекта без проекта.

Ибо субъект, не имеющий проекта, вершит произвол и очень быстро покидает историческую сцену. А проект, который лишен субъектности, является абстрактной утопией.

Без субъекта проект повисает в воздухе. И превращается в унижительную маниловщину.

Восходящая буржуазия имела проект «Модерн» и одновременно брала на себя роль субъекта. То есть класса, способного этот проект осуществить.

Восходящая буржуазия сформировала социальный заказ на свой великий проект.

Этот заказ осуществили великие мыслители.

Их имена вошли в историю. И не изымаемы из нее.

Великая когорта просветителей смогла открыть для человечества новые социальные и духовные горизонты. Но эта когорта была лишь частью интеллектуального воинства, призванного буржуазией под свои исторические знамена.

Ибо, предлагая одной части общества светский, узко просветительский вариант проекта «Модерн», буржуазия предлагала другим слоям общества накаленно-религиозный вариант того же самого проекта «Модерн».

Таким образом, заявленный буржуазией великий проект намного шире классического просветительства. Притом, что классическим чаще всего именуют просветительство европейское, противопоставляя его американскому или, шире, англо-саксонскому.

Но и такое противопоставление не исчерпывает даже самых важных нюансировок, вне которых проект «Модерн» просто не существует. А значит, религиозные модификации проекта «Модерн» (так называемый христианский модернизм, шире – религиозный модернизм вообще) очень тонко сопрягаются со светскими модификациями того же самого великого проекта.

Проект «Модерн» – это великое здание, в котором нашлось место для очень и очень многого.

Именно дополнение данной характеристикой всего того, что называется марксистской аналитикой капитала, и является простейшей формой осуществления синтеза теорий Маркса и Вебера.

Буржуазия – это класс, создавший новый тип искусственной материальной среды, в которой обитает человечество. Иначе – новый тип производительных сил.

И буржуазия – это класс, создавший новую социальную среду с принципиально новыми регуляторами. То есть не только производственные отношения как нечто, определяемое производительными силами, но и нечто намного большее: новый тип легитимности.

Глава 10. классовое господство и легитимность

Легитимность – это принимаемое обществом объяснение причин, по которым один класс осуществляет господство по отношению к другим классам. Для того, чтобы общество приняло факт господства того или иного класса, данный класс должен выступать в качестве безусловного и безальтернативного носителя очень нужных обществу благ. Тогда и только тогда формируются устойчивые уклады и устойчивые политические системы.

После Капитализма. Сергей Кургинян filosoff.org
История учит нас, что господство без легитимности – крайне уродливо и крайне недолговечно. Господствующий класс, теряющий легитимность, должен заменять ее грубым доминированием. Теми штыками, которые не раз упоминал Ленин, подчеркивая, что усидеть на них невозможно.

Создав великий проект «Модерн», буржуазия обрела историческую легитимность. При этом крайне важно оговорить, что буржуазия, предъявив проект «Модерн» в качестве общего блага, а себя – в качестве субъекта, осуществляющего проект (то есть являющегося источником этого блага), фактически очертила границы собственной легитимности. А значит, поселилась на определенной проектной, идеологической, смысловой территории. Застолбив эту территорию как свою.

Соседние территории тем самым оказались чужими.

Именно проект «Модерн» легитимирует буржуазию в качестве субъекта, осуществляющего данный проект.

Именно на территории Модерна, территории собственной легитимности, буржуазия отчасти усмиряет свойственный ей разбойный дух. И частично превращается тем самым из «класса-для-себя» в «класс-для-других».

Именно на территории Модерна не происходит по данной причине исторической и экзистенциальной мутации класса буржуазии. Не происходит ее окончательного отчуждения от идеалов и целей.

Очевидно, что выход за территорию Модерна как территорию собственной легитимности чреват и для буржуазии, и для человечества в целом чудовищными, абсолютно губительными последствиями.

И вновь сравним этот классический тип оформления нормальной буржуазности с тем, что оформлялось в России. Создала ли наша криминальная буржуазия и ее создатели – «Трест ДК» – новый тип легитимности? Были ли предприняты хоть какие-то попытки что-либо сделать в этом направлении? Ничуть не бывало. Напротив, «Трест ДК» и его идеологическая обслуга подавляли любые попытки оформления чего-либо легитимного. Потому что легитимность всегда порождается той или иной моральной установкой, а также теми или иными ценностями и идеалами.

Никогда ни один класс, стремящийся к легитимности, не станет сам исповедовать религию Золотого тельца. И уж тем более не будет навязывать эту религию обществу. Последнее не только аморально, но и вопиющим образом контрпродуктивно.

Между тем, «Трест ДК» занялся именно уничтожением всех предпосылок к какой-либо легитимации чего бы то ни было. Невиданный по своей хищной паразитарности класс оказался вдобавок ко всему лишен моральной, идеальной узды. Нет никаких исторических прецедентов осуществления кем-либо когда-либо чего-либо подобного.

Но как бы ни была важна констатация сугубой патологичности и неслыханной бесперспективности всего, что связано с нынешним российским капитализмом, намного важнее обсудить другое. Судьбу любого современного капитализма. Да, именно любого. Пусть и лишеного тех монструозных черт, которые навязаны российскому капитализму и заводят его – да и все общество – в неслыханный, беспрецедентный тупик.

Глава 11. Буржуазия и Современность

Не происходит ли сегодня выхода всей буржуазии, всего мирового капиталистического уклада за пределы собственной легитимности?

Не покидает ли сегодня весь буржуазный класс ту проектную, ценностную, смысловую территорию, на которой он только и может существовать в качестве «класса-для-других»?

Не расплевывается ли сегодня весь буржуазный класс со всеми своими историческими обязательствами?

Не сбрасывает ли с себя сегодня весь буржуазный класс узду морали, целей,
Страница 18

После Капитализма. Сергей Кургинян filosoff.org
норм, общезначимых идеалов и ценностей?

А если он и впрямь сегодня занимается именно этим?

В зависимости от того, каков ответ на этот вопрос, по-разному будет определяться содержание современной эпохи.

Мы отвечаем утвердительно. Мы говорим: «Да, именно весь капитал, вне зависимости от степени его патологичности или нормальности, теряет всемирно-историческую легитимацию. Именно потеря этой легитимации – очевидная, коль скоро теория Маркса может быть дополнена хотя бы теорией Вебера – стократно усугубляет чудовищность нашей внутренней ситуации. И не дает нам никаких шансов на исправление нашего капитализма. Разве что кому-то захочется произвести методологическую и политическую инверсию и заняться построением в отдельно взятой стране особого капитализма, который не потеряет легитимности у нас – притом, что он потеряет ее везде».

Но проблема слишком тягостна и остра для того, чтобы упражняться в подобных сомнительных методологических и политических изысках.

Слишком ясными и зловещими становятся, увы, симптомы покидания современной буржуазией территории собственной легитимности.

А поскольку впервые буржуазия попыталась сделать это в Германии в 1933 году, то масштаб проблемы огромен. Речь идет о самом грозном из всех вызовов, которые когда-либо маячили на всечеловеческом горизонте.

Но – и это вытекает из всего, сказанного выше, – поскольку мы опять оказались слабым звеном в мировой цепи, то именно нам предстоит заняться всем сразу. И осознанием того, насколько реален подобный римейк, возвращающий нас в ситуацию смертного боя с фашистской силой темною. И поисками ответа на этот самый римейк. Коль скоро он и впрямь реален и даже неотвратим.

Вот чем объясняется наше особое политическое внимание к такой, казалось бы, абстрактной проблеме, как проблема проекта «Модерн», волновавшая и самого Вебера, и его последователей.

Ощущая все неблагополучие нынешней российской и общемировой ситуации, мы хотим получить точный ответ на самый проклятый вопрос современности – вопрос об окончательной потере капитализмом своей проектной (а значит и всяческой) легитимности.

Такой ответ нужен сегодня всем и везде. Но он особо нужен сегодня нам на нашей многострадальной земле.

Почему Россия в 1917 году отвергла капитализм? Была ли в этом историческая правота и историческая обусловленность?

Что именно она отвергла? Капитализм по Марксу или капитализм по Веберу – притом, что капитализм может быть понят как полная и замкнутая система, только если он является и капитализмом по Марксу, и капитализмом по Веберу, и капитализмом по Фромму. И все же для нас сейчас важнее всего те слагаемые капитализма, которые проанализировал Вебер. И которые задаются понятием «проект «Модерн»».

Глава 12. Проект «Модерн» и судьба России

Судьба России вскоре будет решаться так называемыми лишними людьми. Каковыми в условиях дальнейшего распухания российского криминального капитализма скоро станет как минимум 100, а то и 120 миллионов наших сограждан.

Ибо криминальному капитализму нужно никак не более 40 миллионов для того, чтобы создать супермашину воровства и цинично отрекомендовать ее в качестве государства.

Без массивного давления извне российский криминальный капитализм будет двигаться к желанной для него цели создания именно подобного «государства»

После Капитализма. Сергей Кургинян filosoff.org
– как говорят, вразвалочку, не спеша.

Большинству наших сограждан, в том числе и прежде всего представителям ненужных уже интеллектуальных профессий, будут предоставлены на выбор две возможности: гибнуть здесь или спешно бежать за рубеж.

Проект «гибель» (с его модификациями «маргинализация», «люмпенизация» и так далее) и проект «бегство» – будут осуществляться одновременно. Одни будут сваливать. Другие гибнуть. Спиваться, сходить с ума, опускаться на маргинальное дно, деградировать, люмпенизироваться и так далее. Как мы видим, оба проекта уже правят бал в современной России. О чем теперь все наши социологи говорят даже без содрогания, а напротив, как о чем-то нормальном. И чуть ли не оптимальном.

Для достижения криминального анти-идеала нужно, чтобы в год мясорубка проекта «бегство» пропускала через себя хотя бы 5 миллионов людей. И мясорубка проекта «гибель» – столько же.

Вывод из социума 10 миллионов человек в год очень скоро превратит страну в суперструктуру, состоящую из мафиозного ядра и мафиозной же периферии. Структура будет становиться все более и более шаткой. Продержится ли она 6-8 лет или рухнет раньше, зависит от непредсказуемых обстоятельств.

В гниющем доме обрушение может начаться от чего угодно. От того, что вы сильно хлопнули дверью. От того, что вы дернули оконную раму. От того, что вы чихнули, наконец. А поскольку внешние силы побуждаются к активным действиям всей логикой мирового процесса, то... Представьте себе быстро гниющий дом, по которому бьют тараном.

Тут можно спорить только об одном: рухнет ли он с первого удара или с десятого. А также о силе и сосредоточенности этих ударов.

Пока еще так называемые лишние люди (они – реальный цвет и большинство нации, они же – наш народ, и так далее) не оказались окончательно превращены в нежизнеспособный фарш криминально-капиталистической мясорубкой, у них есть время опаматоваться. Наш моральный, экзистенциальный, исторический долг – всячески способствовать этому. Не щадя сил. Подчиняя себя этой цели полностью.

Упования на то, что наши братья, они же «лишние» (а мы при подобном ходе событий столь же лишние, как они), опаматуются, отреагировав на простейшие наши лозунги – от лукавого. В подобном случае все сразу хватаются за великие ленинские простейшие лозунги и декреты. Забывая, что лозунги были выдвинуты фактически на самой последней стадии процесса взятия власти. А до этого существовали совершенно другие стадии, на которых шла совсем другая, отнюдь не лозунговая, деятельность.

Большевики апеллировали не только к хлебу, миру и разделу помещичьей земли. В противном случае они никогда не смогли бы победить эсеров, у которых они эти апелляции, мягко говоря, позаимствовали. Большевики апеллировали к новому великому Красному антикапиталистическому проекту. В котором историческая Россия каким-то сложным образом сумела рассмотреть нечто, глубоко созвучное ее сокровенной сути.

Банальное нытье об антирусской сути большевизма вскоре перестанет убеждать даже самих нытиков. По прошествии двадцати страшных лет слишком многим уже понятно, что даже интеллигентский, очень западнический на первый взгляд большевизм каким-то способом оказался созвучен сокровенным и глубочайшим народным чаяниям. Чайниям предельным, хилястическим.

А ведь помимо интеллигентского большевизма существовал еще и глубочайший народный большевизм, чья тайна до сих пор не раскрыта. И без которого большевики никогда бы не смогли ни взять власть, ни тем более ее удержать.

Итак, не будем ни отрицать значение простейших лозунгов, ни увлекаться их соблазнительной простотой. Либо Россия в XXI столетии обретет себя после всего случившегося, воодушевившись новым большим проектом, либо она перестанет существовать.

Наша задача – предъявить России этот большой проект, который был бы преемником всего ее прошлого и одновременно был бы устремлен в будущее.

Сначала большой проект – сколь бы сложен и неочевиден он ни был. Потом – простейшие лозунги.

Наша задача – не только предъявить такой проект, но и создать полноценный субъект, способный реализовывать этот новый проект так же, как буржуазия прошлых веков реализовывала свой великий проект «Модерн».

Большевистская партия в 1917 году предъявила народу не только большой проект, но и себя в качестве субъекта, способного этот проект реализовать. А коль скоро это так, то большевистская партия не была партией в классическом смысле этого слова. Она была чем-то гораздо большим.

Нас не интересует проект как научная литература любого, даже самого высокого, качества.

Проект – это нечто большее. Это мощнейший смысловой магнит, способный втянуть в себя все, что хранит в себе тайную способность определенным образом намагничиваться.

Ситуация – вот что превращает в смысловые магниты самые холодные высоколобые тексты. Не будем разводить руками, говоря о невозможности решения подобной задачи. В конце концов, именно ситуация превратила в подобные магниты сверхсложные тексты Маркса. Именно ситуация создала целый слой людей, которые днями и ночами сосредоточено впитывали марксистскую сверхсложность. Не лишенную, конечно, политической страсти. Но и не тождественную ей. Страсть извлекали из Маркса те, кто его читал. Точнее, они эту страсть обнаруживали, скручивали в накаленный волевой жгут, усиливали, преобразовывали.

Сделать все это они смогли лишь потому, что в спину им дышала новая ситуация, она же История. Некоторые из них говорили, что слышат ее шаги. Другие – что она их выкликает по именам. Они не просто говорили об этом. Они подтверждали это подвижническим трудом и подвигом.

Так что не будем говорить о том, что сопряжение Маркса с Вебером, а также бог знает с кем еще, не даст того эффекта, который в начале прошлого столетия породил высоколобый труд под названием «Das Capital».

Обсудим лучше то, насколько мощно ворожит современность, превращая в сгусток политической и метафизической страсти синтез Маркса и Вебера.

Глава 13. Судьба Модерна и судьба капитала

Рассмотрение вопроса о судьбе капитализма через призму потери или сохранения легитимности требует выхода за рамки классического марксизма. Для которого вопрос о легитимности по определению не может носить основополагающего характера. Строго говоря, в понятийном языке марксизма вообще нет понятия «легитимность».

Для понимания судьбы капитализма необходимо введение подобного понятия в чуждый ему марксистский контекст. Это и проблема теории, и практическая политическая проблема. Ее решение возможно только в рамках синтеза Маркса и Вебера. В противном случае мы либо потеряем марксизм (что приведет к существенной аналитической, а значит и политической, дезориентации), либо не получим доступа к аналитике ключевой проблемы XXI века.

Капиталистический класс оформился политически и исторически, создавая проект «Модерн».

Стремясь к господству и легитимности, этот класс предъявил обществу данный проект в качестве своего главного и ценнейшего нематериального актива.

Вне проекта «Модерн» капиталистический класс полностью лишен и исторического ореола, и вытекающей из него легитимности. Капиталистический класс минус проект «Модерн» – равно чему? Дворцам и яхтам, кутежам и биржевым спекуляциям, заводам и пароходам? Всего этого совершенно недостаточно для того, чтобы сделать правомочными свои притязания и привилегии.

Вне Модерна уродлив и криминален даже нормальный капиталистический класс. А уж наш российский мутант – тем более.

А значит, аналитика Модерна – это постижение судьбы капитала в XXI веке. Судьба капитала полностью предопределена судьбой Модерна. А вопрос о судьбе капитала – это ключевой конкретный политический вопрос XXI века. Сохранение капитализмом легитимности лишает некапиталистические и антикапиталистические политические движения стратегических перспектив. Потеря капитализмом легитимности – открывает для таких движений именно конкретные стратегические политические перспективы. Другой вопрос, сумеют ли эти движения воспользоваться подобными перспективами.

Но разве для практической политики вопрос о самом наличии перспектив не является ключевым?

Конечно, кроме легитимности есть еще и «господство в собственном соку». Теряя легитимность, капитализм сохраняет подобное господство. И может попытаться осуществлять его на основе голой силы. То есть бесконечно жестокого, зверского и полузвериного доминирования.

Но, во-первых, подобные формы господства никогда не были устойчивыми. Об этом говорит нам весь исторический опыт человечества.

А во-вторых, какой-то шанс подобные формы господства имеют только в условиях конца истории. То есть ускоренного формирования не каких-то там призрачных мировых правительств, а внятной и абсолютно антидемократической Железной пяты.

Противоречия между Китаем и США, между США и Европой, между всеми этими гигантами и Индией не позволяют капитализму сформировать всемирную Железную пяту в короткий исторический срок.

Таким образом, вопрос о легитимности капитализма, тождественный вопросу о судьбе Модерна, имеет очень существенное политическое значение. Ибо это, повторяем, вопрос о наличии или отсутствии у оппонентов капитализма шансов на стратегическую победу.

Итак, сначала надо разобраться с судьбой Модерна. То есть с проблемой, не имеющей никакой прописки в доме под названием «марксизм». Подчеркиваем – никакой. Ни концептуальной, ни понятийной, ни лингвистической. А потом уже нужно заняться аналитикой расстановки классовых сил в условиях делегитимации капитализма. Если, конечно, таковая действительно существует. То есть перейти на привычную для марксизма аналитическую и теоретическую платформу.

Так какова же судьба Модерна?

Нельзя ответить на этот вопрос, не разобравшись хотя бы вкратце, что же такое этот самый Модерн.

Глава 14. Проект «Модерн»

Рассуждая о Модерне, и сам Вебер, который Модерн еще проектом не называл, и его последователи противопоставляли Модерн (или, иначе, современность) – Премодерну, который они называли традиционным (или аграрным) обществом.

Модернизация – это переход из традиционного (или аграрного) общества в общество современное (или индустриальное).

Маркс сказал бы, что это переход из феодальной формации в капиталистическую. Но в каком-то смысле традиционное общество – это более широкое понятие, нежели феодализм. Хотя и достаточно к нему близкое.

Но дело тут не в игре понятий. А в том, как раскрывают содержание слова «общество» (или социум) сам Вебер, его последователи. Все те, кто видит в обществе особую реальность, существенно автономную по отношению к суперреальности, каковой является тип искусственной материальной среды, внутри которой сформировано общество.

Если бы Вебер и его последователи говорили только об аграрном обществе, то они были бы совсем близки к Марксу и другим сторонникам теории формаций. Но они говорят о традиционном обществе. И это не игра словами. Традиционное общество – это общество с определенными регуляторами. Эти регуляторы для ученых, принадлежащих к интересующей нас школе, являются ничуть не менее важными, чем доминирующий способ производства (конечно же, аграрный в случае традиционного общества).

Для интересующего нас научного направления, важность которого определяется именно ситуацией (или, точнее, близостью катастрофы), тип общества связан, прежде всего, с регуляторами, превращающими элементы (то есть отдельных людей) в систему (то есть в полноценное общество).

Традиция – вот что регулировало общественную жизнь на этапе Премодерна. Потому-то общество Премодерна и называется традиционным.

Традиция как душа традиционного общества (вспомним пушкинское «привычка – душа держав») рождает коллективизм, общинность. И наоборот. Разрушение общины – это демонтаж традиционного общества.

Итак, традиция как главный регулятор. Коллективизм как способ существования. Что дальше? Конечно, сословный принцип как принцип разграничения ролевых функций. Фамильная аристократия как господствующий класс. Монарх как выразитель ее интересов. Религия как легитимация монархии (монарх – помазанник Божий).

И народ как целостность, цементируемая религией. Той самой религией, которая обеспечивает легитимацию монарха. Французскому монарху было важно получить помазание в Реймском соборе. Это давало ему настоящую легитимность. И в этом один из краеугольных сюжетных камней истории Жанны д'Арк.

Созревание буржуазии в лоне феодального (или традиционного) общества... Формирование буржуазии как класса преимущественно городского (в отличие от феодалов как крупных земельных собственников)... Формирование буржуазии как хозяина индустриального сектора (в отличие от феодалов, являющихся хозяевами сектора аграрного)...

Все это сильнейшим образом воздействовало на общественную жизнь. Но ничуть не менее сильно на нее воздействовало и другое. На социально-метафизическую сцену по очереди вышли два новых действующих лица.

Сначала религиозные раскольники-протестанты. Они существенным образом проблематизировали легитимность тогдашней монархической власти. Французский монарх, помазанный католической церковью в Реймском соборе, был легитимен именно как король католиков. И он совершенно не был легитимен для протестантов, которые считали католическую церковь, осуществляющую помазание французского короля, церковью сатаны. Спасение от этого искали в особом типе абсолютизма. При котором легитимность религиозного помазания мягко трансформируется в нечто, определяемое формулой Людовика XIV «государство – это я».

Но такая трансформация не обеспечивает устойчивой легитимности. Кроме того, на сцене появляется еще одно новое действующее лицо – светский человек. А для него – что католический Рим, что Кальвин и Лютер... Одно слово – религиозные мракобесы. Пока светских людей было мало, их сжигали на кострах инквизиции. Но потом их стало много. А потом – не просто много, а очень много. Ну, и как регулировать общество в условиях, когда так меняется человек?

Новая материальная среда, пропитанная духом науки и техники, и новый человек, впитавший вместе с этим духом и крамольную светскость... И новая материальная реальность, и новая реальность духовная, культурная, антропологическая – одинаково давят на социум. И требуют, чтобы возникли новые регуляторы, новые правила социальной игры. В противном случае социума не будет вообще. Ведь даже относительно устойчивая искусственная материальная среда все равно не воспроизводится сама собой как среда природная. А уж социальная среда – тем более.

Капитализм заявил: «Я создам новые правила, новые регуляторы и спасу»

После Капитализма. Сергей Кургинян filosoff.org
общество от распада и смуты».

Это было очень важное заявление, поскольку население еще помнило ужас смут. Религиозных войн – и не только. Капитализм пришел – и легитимировал себя великими социальными преобразованиями.

Капитализм отменил сословный принцип.

Капитализм атомизировал традиционное общество, вбросив в городскую пролетарско-индустриальную жизнь огромное количество сельского населения.

Капитализм сформировал новую общность – нацию. Теперь уже не религия, а язык, гражданство, культура, этос регулировали принадлежность индивидуума к подобной общности.

Капитализм действительно создал новый индустриальный мир.

Капитализм предоставил новые права огромной массе ранее бесправного населения.

Капитализм (и это, возможно, главное) сделал закон гиперрегулятором построенного им принципиально нового общества. Теперь уже все регулировала не традиция, не привычка, которая «душа держав», а писанный и строго исполняемый закон. Подкрепленный соответствующими юридическими институтами.

Капитализм построил новую политическую систему, назвав ее демократической.

Капитализм переустроил все подсистемы предыдущего традиционного общества. И тем самым капитализм сделал – что именно? Правильно. Он реализовал проект «Модерн», легитимировав тем самым себя в виде класса не только господствующего, но и исторически лидирующего.

Помимо вышеназванных обычных слагаемых рассматриваемого проекта «Модерн», у этого проекта есть еще и метафизика. Причем как религиозная, так и светская.

При всей важности религиозной метафизики Модерна, его содержание, конечно, определяется наличием светской метафизики. То есть наличием прогресса и гуманизма как сверхценностей.

Подчеркиваем – не как обычных ценностей, а именно как сверхценностей. Метафизика проекта «Модерн» существует только до тех пор, пока прогресс и гуманизм обладают именно сверхценностным содержанием.

Причем такое содержание должно носить всеобщий и одновременно абсолютный характер. То есть быть адресованным каждому народу, каждому представителю рода человеческого и человечеству в целом.

Что же касается религии, то Модерн лишь допускает ее, решительно отделяя церковь от государства. И – до предела рационализируя религию. То есть, подвергая ее весьма существенным трансформациям.

Баланс между разумом и верой в религиозном модернизме резко сдвигается в сторону приоритета разума. Со всеми вытекающими из этого последствиями.

Глава 15. Исчерпание Модерном своих возможностей

После того, как аналитика проекта «Модерн» произведена, прогностика фактически является делом техники.

Не составляет труда доказать, что исчерпание касается всех вышеописанных слагаемых проекта «Модерн». Но прежде всего, бросается в глаза то, насколько Модерн исчерпал свой метафизический ценностный потенциал.

Ключевой и грубейшей приметой подобного исчерпания является абсолютизация категории «демократия». Современная западная практика основана на

После Капитализма. Сергей Кургинян filosoff.org
абсолютном приоритете формальной демократии над чем угодно еще.

Между тем еще совсем недавно Модерн явным образом не был синонимом демократии. Очевидным свидетельством этого являлся позитивный смысл, вкладываемый западными политиками и политическими философами в понятие «авторитарная модернизация».

Теперь США и Запад в целом объявили авторитарную модернизацию своим главным врагом. Фактической «осью зла». Можно ли так поменять курс, не расплевавшись с метафизикой Модерна – то есть с прогрессом и гуманизмом? Конечно, нет.

формальная демократия?

Если в какой-нибудь архаической стране есть два клана каннибалов... Один из которых считает, что лакомиться надо и женщинами, и мужчинами... А другой – что только женщинами...

Если эти два клана создают две партии. Проводят демократические выборы. Формируют парламент. Вырабатывают каннибальский консенсус. «Мы, мол, согласны в главном: что человечина – это нормальный пищевой продукт. Но у нас дискуссия по частным вопросам...»

Если соблюдены все процедуры проведения дискуссий, и правильно разделены ветви каннибальской власти – то формальная демократия налицо, не так ли? Но причем тут Модерн?

Приведенный пример может показаться чересчур экзотическим. Хотя на самом деле это отнюдь не так. И скоро при проведении в Центральной Африке той политики, которую Запад сейчас проводит в Северной Африке, все будет происходить буквально так, как описано в этом примере.

Но поддержка Соединенными Штатами и Западом в целом «Братьев-мусульман», движения «Талибан», других движений, вдруг ставших «демократическими», – это уже совсем не экзотика. Демократия у нас на глазах превращается из содержания в форму. Причем в форму не только безразличную к своему содержанию, но и агрессивно ему противостоящую. Что категорически ставит крест на прогрессе и гуманизме как сверхценностях проекта «Модерн». Да и на Модерне в целом.

Но дело вовсе не только в политическом отказе Запада, этого локомотива Модерна, от сверхценностей Модерна и от Модерна как такового. Налицо еще более глубокий отказ.

Экологическая проблематика, поставленная в повестку дня еще Римским клубом, тоже далеко не случайна. Ибо проект «Модерн» зиждется на праве – пусть формальном, но жестком – каждой страны мира на этот самый прогресс. А также на гуманизм. Даже в колониальный период такое право существовало. И это позволяло Киплингу как певцу британского колониализма рассуждать о «бремени белых». То есть о том, что западный локомотив, именуемый «белым», тянет за собой в сторону прогресса и гуманизма поезд с множеством вагонов. Как «белых», так и не «белых».

Философия и аналитика Римского клуба основаны на правомочности и даже необходимости открепления всех вагонов поезда от локомотива, ранее тянувшего эти вагоны в определенном направлении.

Ускоренное развитие всего человечества – пока утопия. Но ускоренное развитие огромных азиатских стран (таких, как Индия и Китай) – это уже реальность. Локомотив не может тянуть за собой такие вагоны. Он не может предоставить двум с лишним миллиардам пассажиров этих вагонов те же материальные блага, которые предоставлены команде локомотива.

Во-первых, для этого на планете нет необходимых ресурсов.

А во-вторых, это очень быстро превратит пассажиров в хозяев поезда. Для команды локомотива такая метаморфоза категорически неприемлема.

Рассмотрев политическую и политэкономическую подоплеку отказа Запада от сверхценностей проекта «Модерн» (а значит, и от проекта как такового), необходимо перейти к еще одной подоплеке – антропологической.

Проект «Модерн» проникнут волей к развитию. Но к развитию определенному. Тому самому, которое именуется прогрессом.

Этот тип развития предполагает, что используемый для развития антропологический материал (то бишь, вид «человек разумный») остается без изменения.

Что советский проект создания нового человека (а значит, и нового гуманизма) утопичен и контрпродуктивен одновременно.

Что надо не искоренять в человеке зло, а использовать это зло во благо.

Что правильно организованное зло будет способствовать этому благу так же, как звериная конкуренция за выживание способствует великому делу эволюции.

Модерну удалось правильно организовать антропологическое зло. В этом его огромное достижение. Правильно организованное зло стало генератором развития. Причем такого развития, которое, прежде всего и быстрее всего, касается производительных сил. Или иначе – искусственно созданной материальной среды.

Человек же стал обуславливаться этой средой все в большей и большей степени. Что означает в лучшем случае его крайне медленное развитие. А на самом деле чревато стагнацией, а то и деградацией человека.

В результате возник колоссальный разрыв между качествами искусственной среды обитания и тем, кто в этой искусственной среде обитает. Обитатель почти не развивается (или даже деградирует). А среда развивается стремительно. Подобный разрыв именуется «ножницами».

«Ножницы» с каждым годом раскрываются все шире и шире. Когда они раскроются до определенной степени, катастрофа неизбежна. Каким-то образом (неважно, собственно, каким именно) неразвивающийся элемент, он же антропос, извлечет из развивающейся среды (она же технос) нечто, позволяющее уничтожить и технос, и антропос.

Воспрепятствовать этому может или ускорение развития антропоса, или прекращение развития техноса. Но Модерн не предполагает ускорения развития антропоса. У него нет ключей к этой двери. Одновременно Модерн не может остановить (тем более свернуть) технос. Тем самым Модерн фактически капитулирует. Он признает, что не в состоянии избежать приближающейся катастрофы по очень многим причинам. Как общим, так и частным. Как материальным, так и нематериальным.

К числу фундаментальных нематериальных причин относится исчерпание заявленного Модерном метафизического принципа утешения. Человек – это единственное живое существо, знающее о своей смертности и тяготящееся этим знанием. Соответственно, это существо жаждет утешения. То есть каких-то версий собственного бессмертия. Основной версией утешения, которая известна человечеству, является религия.

С того момента, как эта версия перестает работать (а она перестает работать, как только человек становится нерелигиозным), нужна другая версия утешения. Модерн фактически заявил о том, что он способен обеспечить психическое и социальное здоровье мира, в котором нет утешения. Попытки той же Великой французской революции предложить в рамках Модерна альтернативные версии утешения (Богиня разума, Верховное существо Робеспьера) оказались пресечены.

Безутешительность Модерна была высокоэффективной на протяжении всего XIX века. Но уже к началу XX-го века модернистский (прогрессистский, гуманистический) пафос безутешительности выдохся. Безутешительные проекты вообще быстро выдыхаются. А когда безутешительный пафос Модерна («на земле остаются наши дела») выдохся, проект стал сбоить.

К началу XXI века стало ясно, что речь идет не об отдельных сбоях, а о неисправимых поломках самого проектного механизма.

Таково вкратце метафизическое исчерпание Модерна.

После Капитализма. Сергей Кургинян filosoff.org
Описав его, перейдем к исчерпанию социальному.

В социальном плане Модерн держится на принципе раздробления традиционного общества. Дробя это традиционное коллективистское общество на атомы-индивидуумы, Модерн обретает высокую социальную динамику. Фактически речь идет о том, что традиционное общество бросается в топку локомотива под названием Модерн. До тех пор пока есть традиционное общество – топка раскалена. В нее можно бросать все новые и новые порции этого общества. Но когда ресурс традиционного общества обнуляется – топка остывает. А локомотив перестает двигаться.

Это хорошо видно на примере Запада и стран Азии, ставших на путь Модерна. В Азии – Индии, Китае, Вьетнаме – огромная часть населения все еще пребывает в состоянии Премодерна, то есть является почти неограниченным ресурсом для этой самой топки. Но ведь именно почти неограниченным. Раньше или позже ресурс для топки Модерна будет выработан полностью и в Азии, и во всем мире. Что делать дальше?

Те, кого не интересует подобная проблема будущего, могут повнимательнее присмотреться к настоящему. На Западе ресурс традиционного общества сведен к нулю. В топку Модерна бросать нечего. Разве что нелегальных мигрантов. В России ситуация та же самая. Что делает рассуждения о нашей модернизации особо трагикомическими. Разговора же о Модерне у нас вообще категорически избегают.

Соответственно, преимущество получают страны, где ресурс традиционного общества еще не выработан, но уже используется для топки проекта «Модерн». Такое социальное преимущество сразу же переходит в преимущество политэкономическое.

И тут обнаруживается, что Модерн исчерпал себя не только политически, метафизически и социально, но и политэкономически.

После краха СССР и возвращения мира в как бы гомогенный капитализм, в мир вместе с гомогенностью капитализма вернулся и закон неравномерности развития этого самого капитализма на его высшей – империалистической – стадии.

Старые капиталистические страны развиваются все медленнее. Молодые начинают их догонять. Старые пытаются сохранить лидирующие позиции с помощью войны. Классический тип такой войны – Первая мировая.

В этом смысле Третья мировая должна быть похожа на Первую, а не на Вторую. Ибо Вторая развернулась в мире, лишенном капиталистической гомогенности, и потому являлась войной идей и проектов, а не войной экономических интересов.

Освободившись от войн идей и проектов – как горячих, так и холодных, – мир вернулся к войнам экономических интересов. США должны остановить Китай, дабы сохранить лидирующие позиции. Отказаться от лидирующих позиций США не могут и не хотят.

Есть два способа остановить Китай. Мягкий, в котором удастся выстроить контрбаланс и подорвать внутреннюю стабильность Китая. И жесткий. Вряд ли мягкий сработает. Но тогда будет использован жесткий. И мир очень быстро втянется в ядерную войну.

Институциональное исчерпание Модерна – тоже достаточно очевидно. Модерн использует институт права в качестве своего гиперрегулятора. Что происходит в мире с международным правом? И что начинает происходить с правом, опирающимся на принцип национального суверенитета?

Далее исчерпание Модерна перекидывается на этот самый суверенитет. А значит, и на институт государства. Все говорят о кризисе национального государства. Но национальное государство – это одно из ключевых изобретений Модерна. Соответственно, кризис нации и государства ведет к окончательному исчерпанию макросоциальных оснований Модерна.

Но столь же правомочно обсуждение микросоциального исчерпания. Человек Модерна, семья Модерна, коммуникативные поля Модерна, культура Модерна – все это близко к окончательному исчерпанию.

Даже если Модерн и сохранится в Азии – толку-то? Сохранившись лишь в одном макрорегионе, Модерн потеряет свойства универсального, всечеловеческого проекта. И, как уже указывалось выше, Модерн в Азии всего лишь будет исчерпан чуть позже, чем в Европе. Поэтому ключевым на сегодняшний день является вопрос о том, что находится по ту сторону Модерна. Тем более что дышащий на ладан Модерн еще и подталкивается к окончательному обрушению своим создателем Западом. Знаменитая «Арабская весна» ясно и ярко свидетельствует об этом. И это всего лишь одно из свидетельств.

Видя, как Модерн исчерпывает себя, Запад лихорадочно пытается убить собственное дитя. Этим он лишает капитализм всяческой легитимности. Но может быть, Запад (да и капитализм в целом) делают это во имя обретения новой легитимности? Может быть, у Запада (да и капитализма в целом) есть в заглавнике какие-то альтернативы в том, что касается легитимности?

Обсуждая судьбу капитализма и содержание эпохи, мы не можем обойти стороной столь важный и столь острый вопрос.

Глава 16. Модерн и другие

Модель конфликта цивилизаций, вытесненная американскими неоконсерваторами в 2001 году в качестве альтернативы концу истории, потерпела крах вместе с избранием Барака Обамы. Фактически она потерпела крах еще раньше. Когда сами же неоконсерваторы стали обсуждать проект нового Большого Ближнего Востока и прочно вмонтированные в этот проект «вёсны» – как арабские, так и иные.

На смену этой модели пришла, причем всерьез и надолго, модель стратегического союза исламизма и США, исламизма и Запада. Эта модель уже материализована в конкретных альянсах: Запада и «Братьев-мусульман», Запада и талибов.

Исламизм, который американские неоконсерваторы объявили главным врагом, теперь становится чуть ли не лучшим другом США. Якобы потому, что он отвечает волеизъявлению народов исламского мира.

Такое лукавое объяснение никого, конечно же, не удовлетворяет и не может удовлетворить. Но здесь нам важно не детальное рассмотрение заявленного сюжета, а выявление стратегического содержания, маркируемого этим сюжетом.

Для того чтобы это содержание выявить, надо понять, чем исламизм отличается от ислама – великой мировой религии, заслуживающей всяческого уважения.

Исламизм – это достаточно позднее изобретение. В этом смысле он принципиально отличается от фундаментализма. Притом, что и фундаментализм является на самом деле в существенной степени исламским новоделом, а не исламской архаикой.

Архаика, а точнее невзятие барьера современности – это Премодерн. Можно ли говорить об исламском Премодерне, пусть и с определенными оговорками? Конечно, можно. Часть исламского мира по разным причинам как объективно, так и волевого характера стережется Модерна и блюдет свою премодернистскую чистоту. Но это малая и не очень хорошо очерченная часть.

Гораздо шире распространено другое. Сознательный отказ элит мусульманских стран от Модерна, который уже стал обживать эти страны. Подобный отказ носит характер пресловутой консервативной революции. Сторонники такого отказа не чураются использования модернистских и даже постмодернистских политических технологий. Соединение таких технологий с отказом от Модерна и стремлением вернуть реальность к премодернистскому состоянию (конечно же, в подобной ситуации не органичному) – это Контрмодерн.

Контрмодерн – такой же проработанный проект, как и Модерн. Можно смело утверждать, что Контрмодерн с глубоким внутренним удовлетворением следит за исчерпанием Модерна и содействует этому исчерпанию.

И в этом смысл стратегического, а не ситуационного альянса исламизма с Западом. Потому что Запад разрабатывает для себя новый проект под названием

После Капитализма. Сергей Кургинян filosoff.org
«Постмодерн». То есть приспосабливается к очень специфической жизни на обломках рухнувшего Модерна.

Эта «жизнь после жизни» основана на глубочайшем презрении к сверхценностям Модерна, каковыми являются прогресс и гуманизм. Особо враждебен для постмодернизма гуманизм, воспевающий величие человека.

Постмодернизм, во-первых, ненавидит любое величие вообще. И, во-вторых, особо ненавидит человека. Для него человек – это «проект, который завершается».

Постмодернизм надеется поставить на место слишком для него жесткой конструкции под названием «человек» нечто предельно аморфное и текучее. То, что с полным правом можно назвать постчеловеком и постчеловечеством.

Постмодернизм презирает и ненавидит историю.

С особой силой постмодернизм ненавидит развитие. Идеалом постмодернизма (притом, что постмодернизм категорически отказывается от идеальности как таковой) можно считать управляемую деградацию, управляемое гниение.

Культура постмодернизма (а ведь именно культура формирует тип человека) пропитана духом смерти. Постмодернизм не скрывает это. Он открыто присягает Танатосу. А также духу всех и всяческих извращений.

Подробное описание постмодернизма как проекта (притом, что постмодернизм отрицает наряду с человеком и идеальностью любую проектность, любую подлинность, любую метафизичность) здесь явным образом неуместно.

Но аналитика капитала не может быть полноценной без выявления двух альтернатив проекту «Модерн» – проекта «Контрмодерн» и проекта «Постмодерн». А также связи между этими двумя альтернативными Модерну проектами.

Тут уместно указать на два типа связей.

Во-первых, на связь, создаваемую для ведения общей игры двумя очень разными игроками. Тут весьма показателен формирующийся союз США и исламизма. Ибо этот союз формируется для ведения общей игры.

И, во-вторых, на связь, создаваемую для построения новой архитектуры мира. Пусть неокончательной архитектуры. Пусть всего лишь переходной архитектуры. Но все же архитектуры.

Какова же эта архитектура?

В 50–60–е годы XX века китайский лидер Мао Цзедун выдвинул далеко не бессмысленную модель. Ядром которой был мировой город. А периферией – мировая деревня.

В сооружаемой сейчас наспех переходной архитектуре Постмодерн хочет стать архитектурным ядром. То есть чем-то вроде мирового города. Контрмодерн же претендует на роль мировой деревни. Разделение ролей и сфер влияния, конечно же, носит не окончательный характер. Но сам принцип этого разделения способен решить массу задач, которые в рамках проекта «Модерн» категорически не могут быть решены.

Например, можно отказаться от всеобщего развития. А в каком-то смысле и от развития вообще. Контрмодерну развитие враждебно. «И это замечательно!» – считает его постмодернистский партнер. Ведь в этом случае не надо будет развивать всю периферию, делиться с нею драгоценными ресурсами, волноваться по поводу того, что эта периферия может стать более эффективной, чем ядро. И даже должна стать более эффективной.

Да и Постмодерн никоим образом не претендует на развитие как сверхценность. Если в мировом городе что-то и останется от развития, то это что-то будет всецело подчинено задаче удержания под контролем контрмодернистской периферии.

Итак, Модерн близок к исчерпанию. Он вдобавок стал не нужен правящему классу. И его хотят добить как можно быстрее. У него есть альтернатива в

После Капитализма. Сергей Кургинян filosoff.org
виде союза Постмодерна и Контрмодерна.

Можно ли считать, что игра уже сыграна, и что вмешательство в игру фактически невозможно?

Нет. Поскольку, во-первых, силы Модерна хоть и близки к исчерпанию, но еще достаточно велики. И, во-вторых, этому зловещему переформатированию мира мешает существование России.

ЧАСТЬ 2. РОССИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Глава 1. Лишние люди

К чему на самом деле стремится «Трест «Даешь капитализм!», разрушивший двадцать лет назад СССР и сформировавший новую реальность?

Осознает ли этот Трест всю меру патологичности построенного им капитализма?

Готов ли он исправлять эту патологию, купируя хотя бы самые чудовищные процессы? Например, затянувшуюся оргию первоначального накопления капитала. То есть такого ограбления своего народа, при котором народ уже не может нести на своих плечах груз российской государственности.

Или же Трест сознательно наращивает эту патологичность, преследуя зловещие ликвидационные цели?

А может быть, наращивание патологичности происходит само собой? В силу того, что Трест потерял управление, изжил окончательно за эти двадцать лет свои амбиции по построению в России нормального капитализма и полноценному вхождению страны в европейскую (или, как говорилось раньше, мировую) цивилизацию?

Не желая дополнительно сгущать и без того весьма прискорбные краски, рассмотрим предположение, что Трест (или наименее деструктивная часть его) все еще питает иллюзии по поводу превращения России в так называемую «нормальную капиталистическую страну, способную и в НАТО войти, и в ЕС»... И так далее.

Мы не утверждаем, что имеет место именно этот случай. Мы рассматриваем его в качестве наиболее благоприятного. Так вот, даже в этом случае – налицо тупик. Как тактический, так и стратегический. Тактический тупик порожден суммой нерешаемых или почти нерешаемых проблем, обнаруживаемых с помощью классического марксистского анализа.

Проблема № 1. Выход из оргии первоначального накопления капитала.

Вглядываясь в происходящее предельно вдумчиво и благожелательно, отрицая пропагандистский подход и опираясь только на аналитические данные, мы с прискорбием вынуждены констатировать отсутствие каких-либо, даже мельчайших телодвижений, говорящих о том, что «Трест ДК» действительно намерен решить хотя бы эту проблему.

Да, с прискорбием. Потому что превращение нашего капитализма в нечто нормальное (то есть совместимое с жизнью страны) спасло бы Россию. А для нас Россия дороже, чем наши идеи и проекты.

Проблема № 2, столь же принадлежащая сфере марксистской классики, как и проблема №1, – так называемое разделение труда.

Мировой рынок фантастически зарегулирован. Россия не сверхдержава, не СССР. Она по определению должна не диктовать правила, а выполнять их. Существующие правила – а они будут только ужесточаться – предписывают России очевиднейшую роль сырьевого придатка. А как иначе?

Россия не может вывести на мировой рынок гигантское количество дешевой и

После Капитализма. Сергей Кургинян filosoff.org
дисциплинированной рабочей силы. Это могут сделать Китай, Индия, другие азиатские страны.

Россия не может стать одной из ключевых аграрных держав мира. Она может и должна снабжать себя продовольствием. Она может и должна продавать зерно и другие сельхозтовары, поелику это возможно. Но она не может быть стратегическим конкурентом специализирующихся на аграрном производстве стран первого мира, превративших сельскохозяйственное производство в производство высокотехнологическое. И – дотирующих его в огромных масштабах.

Не может она стать стратегическим конкурентом и ключевых сельскохозяйственных стран третьего мира. В которых существуют огромные армии очень дешевых и очень трудоспособных работников. И в которых можно снимать не один, а три урожая в год.

«Трест ДК» разрушил систему российской индустрии. Он угробил за эти двадцать лет не только нужных этой индустрии ученых и инженеров, но и рабочий класс. Созданный в Советском Союзе с огромным трудом и лишенный сейчас даже элементарного самовоспроизводства.

Постиндустриальные сценарии?

В условиях, когда ученые и инженеры получают меньше низкоквалифицированного рабочего? В условиях фантастического недофинансирования всей российской интеллосферы? Эта сфера разгромлена «Трестом ДК» еще более беспощадно, чем сфера индустрии. А также аграрная сфера, потерявшая за счет проекта «Треста ДК» 30 миллионов гектаров посевных площадей. Больше, чем в Великую Отечественную войну.

Итак, остается только роль сырьевого придатка. Постыдная и бесперспективная даже в условиях высоких цен на сырье. А если цены начнут падать? А ведь это более чем вероятно.

Но даже в условиях высоких цен на сырье – на что обрекает Россию данный сырьевой, периферийный сценарий?

Признаем очевидное: производство сырья на экспорт требует не более 10 миллионов человек. Еще 20–30 миллионам будет отведена «почетная» роль разнообразного сервиса. Как административного и финансового, так и другого. А как же остальные? Ведь в России живет не 40, а 140 миллионов человек.

Экономисты высочайшей квалификации издают одно исследование за другим. И в один голос говорят о том, что сырьевой, периферийный сценарий, который мы сейчас рассматриваем, предписывает оставшимся 100 миллионам роль так называемых лишних людей.

Возможно, этих людей будут подкармливать при высоких доходах от экспорта сырья. А возможно – и нет. В последнем случае от них будут освобождаться как мягкими, так и иными способами. Их будут спаивать, накачивать наркотиками, ввергать в полуживотное состояние, проворачивать через мясорубки так называемых локальных конфликтов. И так далее.

Лишними в этом случае станут не только простые люди, но и так называемая интеллигенция. Она окажется не нужна в таком количестве даже для обслуживания периферийного капитализма. А иная роль для нее в этом сценарии не предусмотрена.

Но и проблема №1, и проблема №2, и другие проблемы сходного типа, прекрасно выявляемые классическим марксистским анализом, не являются самыми существенными, коль скоро и впрямь «Трест ДК» хочет и может привести наш патологический псевдокапитализм в сколь-нибудь удобоваримое состояние.

В этом случае суперпроблема – легитимация.

Пусть даже «Трест ДК» занят не ликвидацией России, не ее пожиранием и расчленением, а чем-то менее зловещим.

Пусть даже этот Трест предполагает какое-то сколь угодно скромное «онормализование» отечественного капитализма. Чем и как Трест намерен легитимировать свое бесконечно уродливое дитя? Вряд ли Трест предполагает какие-то сверхоригинальные способы подобной легитимации. Ведь он планирует

После Капитализма. Сергей Кургинян filosoff.org
не только построить капитализм, но и вписать Россию в так называемое
мировое сообщество. Пусть даже и в качестве периферии оногo.

Так вот, и периферия мирового сообщества, и его ядро всегда используют один
и только один способ легитимации капитала – проект «Модерн». А значит,
«Трест ДК» должен насаждать в России именно этот проект, не так ли?

Крайне робкие и крайне неуклюжие телодвижения нашего Треста, вдруг
заговорившего о какой-то модернизации, не имеют ничего общего с реализацией
в России сколь-нибудь полноценного проекта «Модерн».

Во-первых, никто, нигде и никогда не реализовывал проект «Модерн» теми
методами, которые рекомендуют идеологи нашей модернизации.

Во-вторых, проект «Модерн» исчерпан.

В-третьих, в России, в отличие от могучих азиатских стран, нет
традиционного общества, которое можно бросить в топку Модерна.

А в-четвертых... И вот тут мы переходим к самому главному.

Глава 2. Модерн – и историческая Россия

Политический процесс не приобретет искомого характера, если мы не скажем
правду самим себе и другим. В том числе и тем, кто является нашими самыми
непримиримыми противниками. Мы должны сказать ухмыляющимся
десталинизаторам, десоветизаторам, антиимперцам и русофобам:

«Да, вы правы! Историческая Россия не совместима с Модерном.

Да, для того чтобы преодолеть эту фундаментальную несовместимость, нужно
отказаться от всего: от русскости, от имперскости, от советскости. При этом
нужно отказаться от всего сразу. Потому что и русскость, и имперскость, и
советскость – это звенья одной цепи».

Признав эту правду – а это-то и боятся делать многие искренние российские
патриоты – нужно сделать следующий шаг. И ответить себе на вопрос, почему
Россия немодернизируема. И почему она веками сопротивлялась модернизации –
ей и только ей.

Ведь в итоге на модернизацию согласилась даже глубокая Азия, гораздо более
далекая от западного центра модернизации, нежели Россия. Чья культура,
конечно же, являясь христианской, является одновременно и западной.

Так почему же Россия немодернизируема? В отличие не только от Европы и США,
но и от Китая и Индии?

Потому что у Европы и США есть органичная для них и разработанная до
деталей парадигма развития – Модерн.

Европа и США поставили в мировой историософской игре именно на эту карту.
Они невероятно много выиграли. И заплатили за этот выигрыш весьма высокую
цену.

Европа и США выиграли потому, что в течение пяти последних веков (начиная
примерно с 1500 года нашей эры и вплоть до конца XX века) Модерн был той
парадигмой, в рамках которой развитие осуществлялось наиболее мощно и
системно. Европа и США и развивались потому быстрее других и сумели лучше
других легитимировать капитализм. Ибо только проект «Модерн», как много раз
уже говорилось, позволяет осуществить такую легитимацию.

Азия, в отличие от Европы и США, не обладает фундаментальным ноу-хау в
вопросе о развитии. В этом вопросе Азия не претендует на свою собственную
парадигмальность. В других вопросах у Азии есть такие претензии. Причем и
глубокие, и убедительные. В вопросе же о парадигме развития Азия таких
претензий лишена полностью. Поэтому она относительно легко заимствует
Модерн как чужую парадигмальность. Она приспосабливает Модерн к своей
культуре, своему миропониманию. Приспосабливает – но не впускает внутрь
себя. Приспосабливает – и добивается огромных успехов. Вначале тактических

После Капитализма. Сергей Кургинян filosoff.org
– в виде повышения качества жизни, роста экономической (а значит, и любой другой) мощи. Но это лишь первый шаг.

Наращивая свои успехи, Азия, конечно же, стремится вывести из игры вековечного западного конкурента. Сделав это, Азия будет по инерции развиваться до тех пор, пока в топку Модерна можно будет бросать остатки ее традиционного общества. А потом она застынет. Развитие прекратится. Лишенное его человечество в каком-то смысле перестанет быть человечеством. Этот сценарий был бы единственным, если бы не Россия.

Ведь даже если Запад осмелится бросить вызов Азии и уничтожить ее до такой степени, чтобы она не могла соединить свои восточные возможности с западной парадигмой модернизации, это ничего, по сути, не изменит.

Осуществить что-то подобное можно только с помощью массивированной ядерной войны. Но предположим, что это удалось осуществить. Что дальше?

Запад не может длить Модерн по очень многим причинам. Модерн действительно близок к исчерпанию. Что же касается Запада, то, в отличие от Китая и Индии, он не может бросать в топку Модерна свое традиционное общество. Потому что это общество Запад уже давно использовал с подобной целью. И теперь ему бросать в топку нечего.

Итак, заимствование Азией западной парадигмы Модерна...

Огромные успехи Азии, достигнутые за счет такого заимствования...

Крах Запада как конкурента Азии...

Инерционное движение Азии в рамках позаимствованного ею западного Модерна...

И – остановка развития.

Повторяем, это было бы единственным сценарием, если бы не Россия. И это станет единственным сценарием, если Россия будет уничтожена.

Но почему Россия вообще, а в ее нынешнем состоянии тем более, может воспрепятствовать рассмотренному нами губительному сценарию? Или сценариям, если в качестве второго сценария рассматривать беспощадное уничтожение Азии Западом?

Потому что у России, в отличие от Азии, есть своя парадигма развития, качественно отличная от той парадигмы, которая именуется проектом «Модерн».

Дело не в том, что у России есть особый путь. О котором так любят говорить наши почвенники, избегая особых уточнений в вопросе о том, что стоит за словом «особый».

Дело в том, что Россия являлась и является – даже в ее нынешнем, крайне прискорбном состоянии – монопольным обладателем такого нематериального актива, как альтернативная Модерну парадигма развития.

Россия веками не хотела интегрироваться в Модерн. Но она веками же развивалась. Из этого логически проистекает не ее инаковость вообще, а ее способность сформулировать, а главное – реализовать немодернистский способ развития. Не отказаться от развития, подобно премодернистской Азии. Не скопировать развитие, подобно Азии, расплывавшейся с премодернизмом. А развиваться иначе. Причем фундаментально иначе.

До тех пор, пока Запад мог демонстрировать фантастические успехи Модерна, побуждая Азию скопировать Модерн, наш способ развития был своего рода пятиколесным велосипедом. И можно было нас спросить: «Изобрести-то вам подобное чудовище удалось... Только вот зачем?»

Порою «пятиколесный велосипед» оказывался очень эффективным средством передвижения. Это, безусловно, было так в советский период. Но и в досоветский удавалось, оставаясь в рамках своей парадигмы развития, достигнуть достаточно впечатляющих результатов.

Россия срослась со своей парадигмой развития не в меньшей степени, чем Запад со своим проектом «Модерн». Отодрать Россию от своей парадигмы можно,

После Капитализма. Сергей Кургинян filosoff.org
только сменив ее культурное ядро, демонтировав ее культурную матрицу. То есть, полностью изгнав из России русский дух, фундаментальную русскость.

Но если бы Модерн был окончательным историософским триумфатором, а наша парадигма развития окончательным же образом потеряла бы всю и всяческую эффективность, Россия оказалась бы перед трагической дилеммой: отказываться от развития, обрекая себя на уничтожение, – или расплевываться со всем, что казалось ценным и важным.

Но нет и в помине никакого историософского триумфа Модерна. Модерн агонизирует. Спасать его можно отчасти только для того, чтобы продлить эту агонию и успеть привести человечество на иные рельсы истории. Альтернатива – отказ от истории вообще, грозящий чудовищными последствиями.

Если Модерн агонизирует, то ноу-хау России в том, что касается развития, является бесценным для каждого, кому дорого человечество. И кто не хочет, чтобы оно бесславно закончило свой путь, согласившись на неразвитие. Хоть в азиатском его варианте, хоть в западном.

Да, Россию соблазнили на отказ от этого ноу-хау, внушив ей, что это никому не нужный «пятиколенный велосипед».

Да, оказавшись в ловушке этого соблазна, Россия обрекла себя на саморазрушение. Но ее отказ не является окончательным и бесповоротным. Она еще не разрушила себя до конца.

Ей всего лишь нужно опять начать двигаться вперед, используя изобретенное ею средство передвижения.

Нужно научиться опять использовать это средство.

Нужно научиться любить это средство, понимать, сколь оно важно с точки зрения исторической судьбы человечества.

Нужно научиться вновь любить и уважать себя как создателя подобного средства.

Отрекшись от отречения, Россия спасет себя и мир. Она спасет человечество как сущность, неотделимую от развития.

Упорствуя в отречении, осуществленном двадцатилетием ранее, Россия окончательно погубит себя. Она окажется не только страной, в которой 100 миллионов граждан являются лишними людьми. Она окажется фундаментально лишней страной. Страной, которой нет места в новой миропроектной конфигурации. Той конфигурации, которая неминуемо возникнет, если России не отречется от отречения.

Глава 3. Новая конфигурация – и Россия

Азия не хочет отказываться от Модерна. Она понимает, что использование этого чуждого ей, но очень удобного для нее средства передвижения породит всемирно-историческую победу Азии. После которой можно будет и отказаться от чуждого средства передвижения.

Запад вообще и США прежде всего – не могут согласиться на что-либо подобное. Запад понимает, что избежать азиатского триумфа можно двумя способами.

Простой способ предполагает буквальное уничтожение Азии. Коль скоро Запад решится на это, ему придется не только разрушить производительные силы крупнейших восходящих государств Азии. Ему придется еще и истребить большую часть населения таких государств. То есть никак не менее миллиарда человек. А на самом деле гораздо больше.

Нельзя сказать, что Запад к этому не готов. Запад готов любыми средствами бороться против триумфа Азии. И все же простой способ сопряжен с серьезнейшими издержками.

Запад понимает, что уничтожить Азию, не уничтожив самого себя, очень

После Капитализма. Сергей Кургинян filosoff.org
трудно. И потому делает ставку на сложный способ избегания азиатского триумфа. Приберегая простой способ на крайний случай. Каков же этот сложный способ?

Сложный способ предполагает изменение миропроектной конфигурации.

Проект «Модерн» перестает быть магистральным для человечества. В игру вводится, прежде всего, проект «Контрмодерн». Для начала запускается его так называемая исламистская версия (еще раз настоятельно просим не путать ее с исламом). Одновременно в игру вводится и проект «Постмодерн».

Сутью Контрмодерна является сознательный отказ от развития вообще. Даже от функционального технического развития. Идеалом объявляется Новое Средневековье. Возвращение к Премодерну? Никоим образом.

В Премодерне существовало все то, что здесь должно быть отменено. Все то, что позволило создать Модерн. Прежде всего, своя (небуржуазная, но очень накаленная) воля к прогрессу и гуманизму. Эта воля взращивалась премодернистским Западом в лоне определенных и определенным образом эволюционирующих религиозных идей. Именно логика подобной эволюции и привела к светской метафизике Модерна. Метафизике прогресса и гуманизма.

Контрмодерн все это отрицает. Он изымает из Средневековья его потенциал развития и человеколюбия. Утвердить нечто подобное можно только одним способом – побудив определенные сообщества к регрессу.

Советская «перестройка», а также начавшаяся сейчас российская «перестройка-2» – это и есть такие побуждения к регрессу. Хотел ли «Трест ДК» строить в России капитализм или же он имел гораздо более далеко идущие мрачные планы... В любом случае то, что «Трест ДК» совершил, породило регресс и не могло не породить его.

Изменение миропроектной конфигурации предполагает осуществление подобной же побудительной регрессивности в гораздо большем объеме. Недаром президент США Барак Обама назвал «Арабскую весну» (то есть побуждение исламского мира к регрессу и архаизации) вторым падением Берлинской стены. Первое падение Берлинской стены знаменовало собой регресс на территории Северной Евразии. Второе падение Берлинской стены знаменует собой регресс на территории огромного, сопряженного с нами региона, где протекают опаснейшие процессы.

Потом «берлинские стены» начнут падать одна за другой. Открывая тем или иным регионам дорогу в регресс.

Этот регресс не обязательно должен носить исламистский характер. Но именно исламизм обладает влиянием на огромные массы и носит достаточно накаленно-регрессивный характер. Поэтому ему отведена роль своеобразного локомотива регресса, локомотива архаизации со всеми вытекающими отсюда последствиями для России.

Продолжение процессов регресса и архаизации на нашей территории – плюс стратегическое партнерство США и исламизма на ниве нового контрмодернистского Средневековья... Неужели непонятно, что одно это не оставляет для России вообще никаких шансов? Россия не может быть конкурентом исламизму во всем, что касается контрмодернистских действий. Она теряет себя как носителя спасительной парадигмы развития. Она уже оказалась нежизнеспособной в Модерне. Еще быстрее обнаружится ее нежизнеспособность в Контрмодерне. Нежизнеспособность – да и ненужность.

Образуется ли в этом случае на месте России исламистский халифат или мозаика архаизированных государств... Будет ли исламистский контрмодернистский халифат воевать с Китаем, или модернистский Китай начнет выхватывать нужные ему кусочки архаизированной мозаики... Так ли это важно, если в любом случае Россия перестанет существовать?

Но России нет места и в Постмодерне. Это чужой и чуждый проект. Разрешение на присоединение к которому находится в чужих и чуждых руках. Это проект, конкурирующий с Контрмодерном по степени мерзостности. Причем мерзостности, никак не совместимой с тем, что составляет суть России как исторической личности.

И наконец, это проект, совершенно несовместимый с территориальной

После Капитализма. Сергей Кургинян filosoff.org
целостностью России.

Модерн в России? Но Модерн, как мы убедились, близок к исчерпанию. Кроме того, у России нет возможности использовать для модернизации ресурс под названием «традиционное общество». Нет у России, в отличие от Азии, этого ресурса. А на нет и суда нет.

И наконец, Россия гораздо сильнее, чем Азия, сопротивляется классическому Модерну как чему-то чуждому и опасному. Она сопротивляется ему каждой клеточкой своего историко-культурного тела.

Россия понимает, если не умом, то сердцем, сколь важна для нее и для мира парадигма развития, резко отличающаяся от той, которую предлагает Модерн. Навязать ей Модерн можно, только осуществив неслыханное насилие – духовное, культурное, политическое. Раньше, чем это насилие породит Модерн, оно убьет Россию. А вместе с ней и хранимую Россией парадигму развития, бесконечно важную именно сейчас, когда Модерн исчерпал себя.

Итак, Модерн уничтожает Россию.

Но и новая миропроектная конфигурация, предлагаемая капиталом, неспособным далее предъявлять Модерн в качестве источника своей легитимности, тоже уничтожает Россию.

В чем же выход?

В том, чтобы Россия в полной мере осознала себя в качестве единственного носителя парадигмы развития, которая качественно отличается от парадигмы, предлагаемой Модерном. Парадигмы, которой исчерпание Модерна придает особое всемирно-историческое значение. Что же это за парадигма?

Глава 4. Альтернативный Запад

Что препятствует четкому рельефному осознанию природы и содержания того трагического парадигмального дара, которым историческая судьба наделила Россию?

Дара, от которого она отреклась двадцать лет назад. Дара, который сейчас имеет неслыханное значение для человечества.

Осознанию природы и содержанию этого дара мешает затянувшийся конфликт западников и почвенников. Конфликт историософский и политический. Конфликт, тянущийся через столетия. Конфликт, сформировавший стереотипы понимания нашей исторической судьбы.

Эти стереотипы всегда мешали нашему окончательному историософскому самопониманию и самоопределению. Но сейчас они опасны и вредны более чем когда бы то ни было.

Западники убеждены в том, что есть один-единственный Запад, являющийся абсолютным благом, которому Россия никак не может причаститься.

Почвенники убеждены, что Запад – это абсолютное зло, от которого Россия должна держаться как можно дальше.

При этом никогда не давалось позитивного ответа на вопрос о том, чем именно является Россия, коль скоро она не является Западом.

Почвенническая мысль в целом сводилась к тому, что Россия не Запад. Но что же она такое? У почвенников ответа на этот вопрос не было. И ясно, почему. Будучи людьми бесконечно тонкими и умными, почвенники не могли не понимать, что Россия никак не может быть Востоком, Азией. Разница между Россией и Китаем и Индией была слишком разительна.

В конце концов, речь шла об общей у России и Запада христианской самоидентификации. Непримируемая война двух ветвей христианства: католицизма и православия – не могла помешать осознанию того факта, что речь идет всего лишь о непримируемой войне двух ветвей одного и того же христианства.

После Капитализма. Сергей Кургинян filosoff.org
Итак, для почвенников Россия не Запад, но и не Восток. Что же тогда?

Историософия не может удовлетвориться той эклектикой, которую предлагает ей столь уважаемая наука, как геополитика. Геополитику все ясно. Раз Россия не Запад (то есть не Европа) и не Восток (то есть не Азия), то она гибрид – то есть Евразия. С геополитической точки зрения, Россия, конечно, именно такова. Ну и что? Даже с политической точки зрения подобный разговор ущербен, поскольку есть и «либеральная Евразия» Андрея Сахарова, и несколько «консервативных Евразий». Что уж говорить об историософии?

Евразийцы остро переживали свою историософскую недостаточность. И не знали, чем и как ее компенсировать.

Может быть, назвать Россию мостом между Востоком и Западом? Но если подобные определения и имели определенное содержание в XVIII и XIX веках, то уже к концу XX-го это содержание полностью испарилось. Что уж говорить о втором десятилетии XXI века? Тут стало окончательно ясно, что Востоку (например, Китаю) не нужен никакой особенный мост для того, чтобы строить отношения с Западом. И каково тогда место России в мире?

Размышляя по этому поводу, Владимир Соловьев написал следующее:

«Каким же хочешь быть Востоком:

Востоком Ксеркса или Христа?»

Как мы видим, необходимость определения историософской сущности своего Отечества порождает расщепление понятий, с помощью которых можно дать такое определение. Понятие «Восток» расщепляется. Появляются два очень разных Востока. Но жизнь понятий, как ее ни назови: диалектикой или как-то иначе, – имеет свои законы. Согласно этим законам, коль скоро понятие «Восток» расщепилось, породив два Востока, должно расщепиться и понятие «Запад», породив два Запада.

Существование двух Западов вытекает не только из подобной диалектики понятий, которая, в конце концов, абстрактна и умозрительна. О существовании двух Западов говорит нам и история. Два Запада существуют с древнейших пор.

Они воспеты еще Гомером в «Илиаде». Ибо война между Троей и ахейцами – это и есть война одного Запада с другим. Причем война непримиримая. В каком-то смысле метафизическая. Иначе и не воспел бы ее Гомер. А если бы даже и воспел, то не оставил бы столь глубокого следа на тысячелетия.

Другой, уже не греческий, а римский поэт, Вергилий, оставивший столь же глубокий исторический, философский и художественный след, возводит род Энея, то есть Рим, к Криту. Соответственно, война между ахейцами и Троей предстает войной между крито-минойской и крито-микенской цивилизациями.

Мы говорим здесь даже не об исторических фактах, которые по-разному трактуются в разные эпохи, а о делящихся во времени идентификациях. О культурных нитях, тянущихся в лабиринте историософии.

Нить, сотканная Вергилием в его «Энеиде», тянется через эпохи, как и нить, сотканная Гомером. На этих поэмах формируются идентичности. Поэмы эти учат наизусть в лицах и гимназиях. И потому задаваемые ими социокультурные модели намного важнее археологических раскопок и исторических манускриптов.

Древний Рим очень много взял из Греции. Но он всегда ощущал ее в качестве своей враждебной альтернативы. Срывая непокорные греческие города, римские воины писали на табличках «мечь за Тройю».

Империя Цезаря и империя Александра Македонского – это два разных Запада.

Константин Великий, покидая Рим, стремился построить новую восточную столицу в Трое. И лишь потом выбрал Константинополь.

Византийцы называли себя ромеями и при этом прекрасно понимали, что они являются альтернативой Риму, а не его повторением.

Эту тянущуюся из глубины веков альтернативность Византия передала Москве.

Дело тут вовсе не в Третьем Риме. А в том, что, приняв дар этой альтернативности, Россия окончательно оформила себя в качестве второго Запада. Альтернативного тому классическому, который связал свою судьбу не с Грецией, а с Римом.

А теперь всмотримся внимательно в контуры той альтернативной парадигмы развития, которая одна лишь и противостоит Модерну, оставаясь именно парадигмой развития.

Модерн, дробя традиционное общество, бросает его в топку и движется вперед, формируя общество индивидуумов. Общество атомизированное и лишь потому регулируемое созданными Модерном институтами. Институтом права, который является для Модерна социальным суперрегулятором. Политическими институтами и так далее.

Россия после Петра уже не может использовать регуляторы Премодерна, эффективные лишь в случае, когда общество остается традиционным. Петр слишком сильно разорвал с традицией. Но Россия не признает право в виде суперрегулятора, а значит, не переходит на территорию Модерна. И при этом Россия развивается, причем стремительно.

Что же является суперрегулятором, позволяющим России сформировать быстро развивающееся немодернистское общество?

Анализ показывает, что таким регулятором является культура. Которая в России играет совсем иную роль, чем на Западе. На Западе никто не будет говорить, что театр – это кафедра. Никто не будет воспринимать даже самых гениальных писателей как пророков. И моральных (а в чем-то даже религиозных) учителей.

Между тем, так Россия отнеслась и к Толстому, и к Достоевскому.

Итак, Россия сохраняет коллективизм, обеспечивая развитие. А Модерн как западный вариант развития опирается на разрушение коллективизма.

Россия создает в советский период уникальный индустриальный и даже постиндустриальный коллективизм.

Одного этого достаточно, чтобы подтвердить принципиальную несхожесть Модерна и российского варианта развития.

Но ведь есть и многое другое. Россия не принимает той концепции светской безутешительности, на которой основан Модерн. Она все время ищет именно светскую или квазисветскую утешительность (то есть внерелигиозный шанс обретения бессмертия). Об этом говорит и «Общее дело» Федорова, и философия космизма, и большевистское богостроительство. Тут важны не исторически преходящие частности, а воля России к нахождению светской утешительности.

И вновь альтернативная парадигма развития.

Жанр документа не позволяет нам подробно описать все уровни подобной альтернативности. Приведенных доказательств достаточно для того, чтобы признать факт ее наличия. А нам здесь достаточно только этого признания. Ибо пора переходить к анализу политических и именно политических последствий, вытекающих из данного фундаментального факта.

Россия приняла большевизм. С одной стороны, как западное марксистское учение. А с другой, – как нечто свое, глубоко народное. Но, приняв западное марксистское учение, Россия приняла не капитализм, не Модерн как способ легитимации капитализма, а нечто альтернативное. Мы вновь видим верность России фундаментальному принципу альтернативного Запада.

Может быть, поэтому Запад ненавидит Россию гораздо более яростно, чем он ненавидит Восток. Так ненавидят близкое и иное. Так ненавидят историософского конкурента. Ибо полноценная историософская конкуренция может иметь место только в случае, если у конкурентов есть альтернативные парадигмы развития.

А теперь задумаемся в полученный нами политический результат.

После Капитализма. Сергей Кургинян filosoff.org
Если Модерн был способом легитимации капитализма, и если Россия веками (и до большевиков, и при них) была носителем альтернативной Модерну идеи развития, то как Россия могла легитимировать свой капитализм? Ведь это потребовало бы для нее перехода на территорию Модерна, не правда ли?

Россия, оставаясь собой, храня свое великое предназначение, свой дар судьбы, не могла не отвергнуть капитализм. Маркс был западником и антикапиталистом. Ревнителем развития – и противником Модерна. Потому он и оказался яростно принят именно Россией. Яростно принят – и глубочайше переосмыслен. Из того, что предлагала ей историческая судьба, Россия могла принять только марксизм. Она его и приняла, переиначив на собственный лад. Есть органическое для России двуединство большевизмов: западного, марксистского – и своего, народного. Без этого двуединства большевики не могли бы даже выиграть Гражданскую войну. А уж тем более построить новое великое государство.

Вот что мы потеряли в 1991 году. Не одну из возможных форм государственности мы потеряли тогда. А свою историческую судьбу.

Вот что мы утратили. И вот что должны обрести. Как мы можем это не обрести, если наш капитализм оказался ходячей патологией? Если мы не можем принять Модерн, не расплевавшись с исторической судьбой и собственной идентичностью? Если Модерн исчерпан и сдан в утиль капиталистическим Западом, который взрастил для себя подобную легитимность? Если у нас нет основополагающих азиатских условий продления агонии Модерна? Если мы не хотим продлевать агонию, а хотим обрести новую жизнь?

Капитализм полностью потерял легитимность. Он либо ускоренно превратится в фашизм, либо покорно сойдет с исторической сцены. Скорее всего, он с нее покорно не сойдет. Капитализм сооружает новые миропроектные комбинации уже за пределами собственной легитимности. И за пределами капитализма как такового. Но эти комбинации так же несовместимы с жизнью России, как и переход на территорию агонизирующего Модерна.

Так как же можно спасти Россию, а вместе с нею и идею развития, а значит – все на свете? Гуманизм... Человека как такого...

Заключение

Отречение от отречения

Приняв капитализм, а значит, и Модерн, Россия отреклась от себя. Теперь ей надо отречься от своего отречения. То есть от Модерна и капитализма. Соответственно, она должна обрести новую жизнь уже по ту сторону капитализма.

Это не вкусовщина, не волюнтаризм, не маниловщина, не утопические мечтания. Это – единственный шанс России и человечества. Если, конечно, человечество не хочет погрузиться в пучину контр- и постмодернистских игр.

Первый проект – агонизирующий Модерн...

Второй и третий проекты – Постмодерн и Контрмодерн, зловещая суть которых усиливается созданием пост- и контрмодернистской миропроектной конфигурации.

Если Россия не может и не должна найти себя во всем этом, ей нужен Четвертый проект.

В основе этого проекта – альтернативная парадигма развития, которая пронесена Россией через века и которая в условиях агонии Модерна одна лишь только и может спасти идею развития. А значит, человека и человечество.

Прямые повторы малопродуктивны с исторической точки зрения. И все же не составляет труда увидеть, что коммунизм – осмеянный и оболганный – не случайная глупость, занесенная чужаками на попорченную российскую почву. Он-то как раз глубоко созвучен русской судьбе. Он отвечает высшему принципу

После Капитализма. Сергей Кургинян filosoff.org
этой судьбы, каковым, конечно же, является именно альтернативная парадигма развития.

Россия отреклась от коммунизма очень не вовремя.

Россия присягнула капитализму очень не вовремя.

Что ж, даже в самых страшных ошибках есть какой-то нам иногда до конца не видимый исторический смысл. Зачем-то это произошло. Зачем же? Не затем ли, чтобы Россия, испив горькую чашу и оказавшись над бездной, осознала глубину всего того, от чего отреклась когда-то? И смогла найти в себе силы... нет, не для прямого возврата в прошлое. А для глубочайшего переосмысления этого прошлого.

Нам и миру нужен сейчас не римейк на красную тему. Нам нужен Четвертый проект, который вобрал бы в себя все лучшее из растоптанного советского прошлого. Который одновременно с этим учел бы некую, лишь сейчас проявленную произошедшей трагедией, великую и загадочную традицию. Не для того ли произошла трагедия, чтобы традиция была проявлена до конца?

Четвертый проект, вобрав в себя все лучшее от коммунизма, который Россия исторически пережила, воскресит все то, что исторический коммунизм не доделал, не доосмыслил, отбросил.

Исторический коммунизм отбросил метафизику, высший принцип светского утешения. Мы восстановим этот принцип в своих правах.

Исторический коммунизм отбросил необходимость бороться за нового человека и новый гуманизм. Мы вернем это в новый проект и новую жизнь.

Исторический коммунизм совершил онтологическую и одновременно психологическую ошибку. Он не сумел победно, радикально противопоставить принцип жизненной полноценности (того, что Эрих Фромм назвал словом «быть») – принципу отчужденности (названному Фроммом словом «иметь»). Мы исправим эту ошибку.

Исторический коммунизм вообще не сумел построить мост между частным принципом эксплуатации и общим принципом отчуждения. Мы построим этот мост.

Исторический коммунизм остановился, решив индустриальные задачи, у того барьера, за которым наука становится полноценной производительной силой. Со всеми вытекающими из этого политэкономическими и политическими последствиями. Мы возьмем этот барьер.

Мы признаем, что место интеллигенции как прослойки занимает когнитариат как класс, обладающий в XXI веке всеми правами, вытекающими из того, что наука стала полноценной производительной силой.

Мы понимаем, что этот класс разгромлен в последнее двадцатилетие. Что ж, тем самым именно он в России стал наиболее гонимым, наиболее эксплуатируемым. Мы соберем осколки разгромленного класса. Мы достроим этот класс и обопремся на него.

Четвертый проект не только историческая необходимость. Не только единственный способ спасения человечества от гибели. Он еще и способ легитимации власти.

Модерн легитимировал власть капитала. Четвертый проект легитимирует власть российского когнитариата. Разгромленного и униженного, но не уничтоженного.

Мы понимаем, сколь чудовищно сложна поставленная перед нами задача.

Мы понимаем, сколь труден путь, ведущий к ее решению.

Но мы понимаем и другое. Что никаких других вариантов спасти Россию нет. Что гибель России станет еще и гибелью человечества. Внутри абсолютной безвыходности, порожденной чудовищным поражением нашей страны, мы нашли маленький просвет. Мы увидели, что из тупика выйти можно. А значит, и нужно.

Мы лишь нащупываем пути этого выхода. Но там, где раньше мы видели лишь абсолютную безысходность, – луч света, бьющий сквозь узкую щель. Свет этот

После Капитализма. Сергей Кургинян filosoff.org
– из нашего посткапиталистического будущего. Построив которое, мы искупим случившееся двадцать лет назад. Мы вернем утраченное и обретем большее. Мы еще не прозрели до конца. Но мы уже не слепы. И не беспомощны. Мы хотим прозреть сами – и помочь прозреть другим. Мы собираем всех, кто стремится к тому же самому. Мы преодолеваем дух поражения в себе и других. У нас есть шанс на победу. И мы должны его использовать до конца. Это наш долг перед живыми и мертвыми.
Хвалынский.
14 августа 2011 года.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!